

6432 57-24

Л. СПИРИН



Народный
герой

В. И. ЧАПАЕВ



А. СПИРИН

Народный герой
В. И. ЧАПАЕВ



ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ЧУВАШСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ—1957

ЧУВАШСКОЕ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

Чебоксары Чувашской АССР

СВЯЗАННЫЙ Э. В. ПЛЯР
ДОСТИЖЕН
Чувашской Книжной Палате
13 февраля 1957 г.
№ 46

Под редакцией П. С. Кольцова

ЧУВАШСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НЕВКОСЛЫ-1957

ЧУВАШСКАЯ ПАЛАТА

*„Ты блестящей звездой
войдешь в историю граждан-
данской войны“.*

Д.М. Фурманов.

Июль 1918 года. Трое суток, днем и ночью, гремел жаркий бой под стенами Уральска. Полки советской 4-й армии, наступавшие на город, встретили ожесточенное сопротивление белоказаков. Скоро враг сам перешел в наступление. Лавы казачьей конницы со всех сторон атаковали красных бойцов и отрезали их от баз снабжения. Кончились боеприпасы. Не было хлеба. Приходилось есть ржаные колосья с неубранных крестьянских полей. Днем нестерпимо жгло солнце, мучила жажда. Ночью было прохладно, но враг не давал покоя ни на минуту. Белоказаки вплотную подползали к окопам, а конные сотни их прорывались вглубь обороны. Прикрываясь бронепоездом и бронемашинами; белые остервенело лезли вперед. Сходились грудью, и штык—решал исход боя.

Положение войск Красной Армии ухудшалось с каждым часом, а помощи ждать было неоткуда. Единственный выход состоял в том, чтобы прорваться из окружения и сохранить силы. Оставаться дальше перед Уральском в кольце превосходящих вражеских сил грозило гибелью. У изнуренных голодом, жаждой и бессонницей бойцов падало настроение. Командиры полков ходили мрачные вдоль цепей, и нередко за спиной ползло им вслед страшное слово: „измена“. Неимоверным усилием воли командиры сдерживали дисциплину, хотя каждый понимал, что старый приказ о штурме Уральска невыполним. Но штаб армии молчал.

В конце третьего дня боев у полевого штаба армии в клубах едкой густой пыли появилась группа конников. Впереди на рыжезолотистом коне скакал командир, за ним—ординарцы. Осадив на полном ходу разгоря-

ченного коня, он легко соскочил на землю и, приказав спутникам подождать, направился в помещение. Затянутый ремнями, худощавый и стремительный он не шел, а летел вперед. В его серых умных глазах была большая решимость. Над плотно сжатыми, тонкими губами, видимо, от сильного возбуждения, чуть подергивались кончики усов.

Командарма не было—он лежал в лазарете, его замещал начальник штаба. До возвращения командующего армией он не решался издавать никаких новых распоряжений, изменявших старый приказ. В штабе царила полная растерянность.

Приезжий был горяч и напорист. Не слушая возражений оторопевшего начальника штаба, он тут же продиктовал писарю приказ о прорыве вражеского кольца и отходе войск. Начштаба был вынужден скрепить приказ своей подписью.

После того, как новое распоряжение было передано в полки, приехавший вскочил на коня и вихрем умчался руководить сложной операцией. Отдавший приказ был командиром одной из бригад 4-й армии—Василий Иванович Чапаев.

В 10 часов вечера 9 июля, советская артиллерия произвела последний залп по Уральску. Под покровом темноты начался отход полков вдоль железной дороги на Запад. Отступление прикрывала бригада В. И. Чапаева, принявшая на себя основной удар врага.

Противник бросил для преследования бронепоезд, бронемашину и полки конницы. Утром следующего дня бронемашина, экипаж которой состоял из одних офицеров, настигла отступающие красны части и открыла сильный пулеметный огонь. Среди обоза и в некоторых полках началась паника. В бой вступила артиллерия, но машина, искусно маневрируя, долго оставалась неуязвимой.

Между тем, на горизонте уже показалась конница противника. Заколебались и другие полки. Но в это время в передовых цепях появился Чапаев. Приказ его был короток: „Ни шагу назад!“ Увидев своего любимого командира, бойцы успокоились и стали готовиться к бою. Не успели подбить машины, как пришлось отражать удар конницы. Сверкая клинками, в клубах пыли, с оглушительным ревом неслась вражеская ла-

вина на чапаевцев. Но каждый раз, когда казаки приближались к пехоте, перед ними вставала огненная стена, и они откатывались обратно далеко в степь. Так продолжалось несколько дней. Стойкость бригады В. И. Чапаева спасла армию от разгрома и обеспечила ей отход.

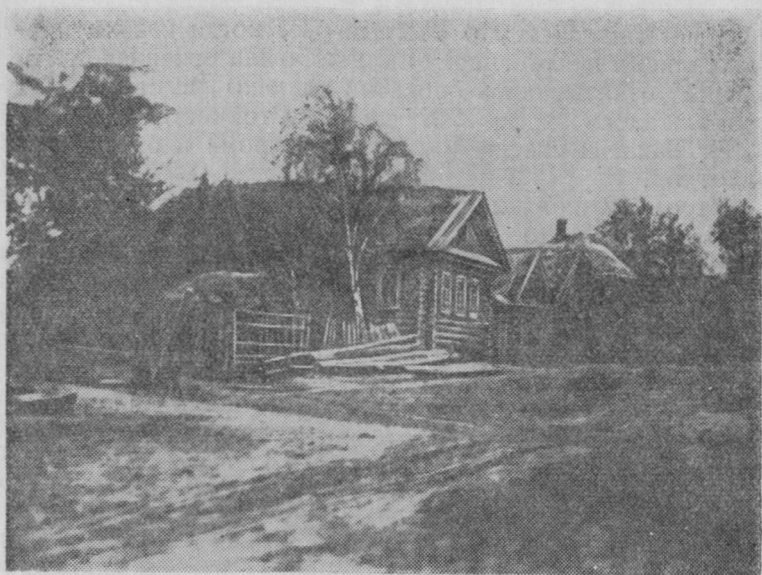
Утром 12 июля полки 4-й армии прибыли в Семиглавый Мар. По указанию командования бригаде Чапаева надлежало расположиться на станции Озинки. Однако в это время до чапаевцев дошел слух о том, что в Николаевском уезде кулаки подняли мятеж и вырезают семьи красноармейцев. Большинство чапаевцев были жителями этого уезда. Поэтому они потребовали направления в Николаевск. Командование армии вынуждено было дать на это согласие.

Прибыв через несколько дней в свой уезд, красноармейцы организовали митинг, на котором постановили разойтись на двенадцать суток по домам на полевые работы и „попугать кулаков“.

В. И. Чапаев выступил с горячей речью. Он говорил, что враги окружают Советскую республику со всех сторон. Восстали чехословаки, везде мятежи белогвардейцев. В этих условиях уход из части даже на несколько дней является преступлением. Но на этот раз ни авторитет Чапаева, ни его угрозы не подействовали. Бойцы заверяли своего командира, что они придут в полки точно в срок, а кто не вернется, того расстреливать без суда. При Чапаеве остались командиры и 600 человек для охраны оружия и боеприпасов.

Горько и обидно было смотреть Василию Ивановичу как его боевые сподвижники расходились по домам, хотя Чапаев твердо знал, что каждый из них был готов отдать жизнь за Советы.

И может быть Василий Иванович Чапаев впервые так остро почувствовал губительную опасность партизанщины и своеволия, которые мешали этим отважным людям стать дисциплинированными и выдержанными бойцами за свободу. В душе он признавался себе, что и сам тоже не всегда был таким, каким должен быть настоящий командир Красной Армии и нередко поддавался настроениям вольницы. Тяжело становилось от этих мыслей, но в то же время хотелось учиться самому и учить этих смелых, но не знающих военного дела людей.



Родина В. И. Чапаева дер. Будайка.

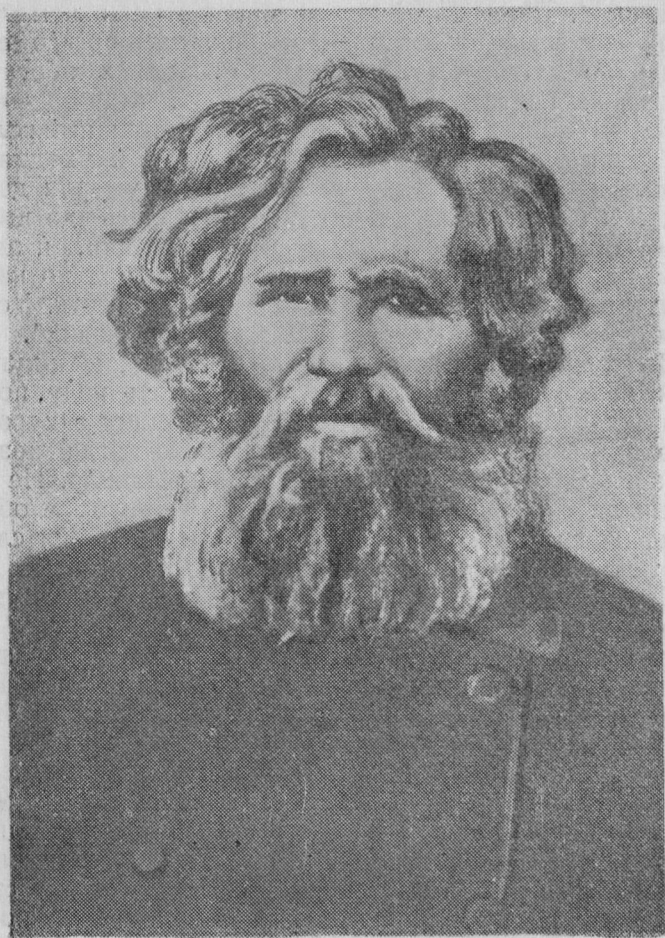
Василий Иванович верил, что пройдет время и красноармейцы поймут необходимость строгой революционной дисциплины, без которой не может быть победы над врагами, поймут как это сделал их командир, потому что они, как и сам Чапаев, были сыновьями бедняков и хотели победы над богатеями.

1. ШКОЛА ЖИЗНИ

Василий Иванович Чапаев родился 28 января 1887 года в деревне Будайке, Чебоксарского уезда, Казанской губернии (ныне Чувашская АССР).

Семья Чапаевых считалась самой бедной среди будайских крестьян. В ней было 9 человек¹, а земли всего две десятины. Дом стоял без крыши, скотины почти

¹ Семья Ивана Степановича Чапаева состояла из него самого, жены, отца, матери и пятерых детей: Михаила, Анны, Андрея, Василия и Григория.



Отец В. И. Чапаева Иван Степанович Чапаев.
(19.8 г.)

никакой не было. Жили Чапаевы впроголодь. Особенно туго приходилось в неурожайные годы. Отец Чапаева уходил плотничать по селам и волжским городам, но денег приносил домой мало. Горьким было детство ребятшек. Даже на улицу в ненастье не в чем было выйти—на всех пятерых в доме имелась всего одна пара обуви. С малых лет Василий нанимался к богатым крестьянам пасти гусей, а затем коров.

В 1897 году в Поволжье разразился страшный голод. Чтобы не умереть, люди бросали дома и уходили в город. Поднялись и Чапаевы. В дороге умерли дед и бабушка. С большим трудом семья добралась до волжского города Балакова, Самарской губернии, и здесь осела на жительство. До этого Василий только начал ходить в школу. Теперь ее пришлось бросить. Успел выучить одну азбуку. Началась жизнь „в людях“.

Двенадцати лет Василия отдали „мальчиком“ к купцу. Сначала его заставляли мести полы, носить воду, помогать кухаркам и топить баню. Мальчик аккуратно выполнял всякую „черную“ работу. Но когда хозяин поставил Василия за прилавок, дело не пошло. Не мог маленький Чапаев примириться с правилом: „не обманешь, не продашь“. На всю жизнь он запомнил слова отца: „Не воруй, Вася, будь честным“.

Через два года пришлось уйти от купца и наняться половым в харчевню за три рубля в месяц. Хуже каторги была эта работа. Вставал чуть свет и до ночи был на ногах. Подзатыльники и ругань были наградой за труд. Но и отсюда уволили—мало давал прибыли хозяину: не умел ни воровать, ни обсчитывать.

После этого Василий долго ходил без работы и, наконец, пристал к бродячему музыканту — шарманщику. Два года разъезжал с ним по волжским городам. За это время Василий хорошо узнал жизнь обездоленных, и в его юном сердце родилась жгучая ненависть к эксплуататорам: купцам-хозяевам, помещикам, капиталистам, к царю, ко всем богатым. В то же время общение с различного рода людьми обогатило его кругозор, жизненный опыт, научило лучше разбираться в событиях.

Случались и в этой бродячей жизни светлые минуты. У Василия был хороший голос и он задушевно пел многие песни. Особенно он любил песни про Ермака и



В. И. Чапаев перед призывом на военную службу в 1908 г.
со своими товарищами. На переднем плане В. И. Чапаев.

Разина. И эта любовь к пению у него сохранилась на всю жизнь.

После двух лет скитаний Василий Чапаев вернулся в Балаково. Вместе с отцом и братьями он стал плотничать, весной и летом—в городе, а осенью и зимой—в деревнях. Молодой плотник исходил вдоль и поперек всю Уральскую область и Самарскую губернию и знал почти каждое село. Это ему очень пригодилось в дальнейшем.

Скоро большая семья Чапаевых стала распадаться. В русско-японскую войну взяли в армию старшего брата Андрея. Началась революция, а за ней реакция. Чапаевым сообщили, что Андрей расстрелян. Иван Степанович так и не узнал причины гибели сына.

В 1908 году призвали на службу Василия Ивановича, но через несколько месяцев демобилизовали и зачислили ратником ополчения 1-го разряда.

Еще до армии Василий Иванович женился в Балакове на мещанке Пелагее Захаровой. Пошли дети, и жить стало еще тяжелей. За несколько лет Чапаев переменял много профессий: плотничал, слесарничал, одно время даже расписывал церкви. Случилось это следующим образом.

В 1912 году подрядчик Ерхов, у которого Василий мастерил деревянные бороны, взялся строить церковь в селе Сулак (ныне Чапаевск, Саратовской области). Василий Иванович решил испытывать свои силы в живописи и начал было писать иконы. Но его новая деятельность была пресечена в самом начале. Одна богомольная старушка попросила Василия подновить икону Николая угодника. Заказ был быстро выполнен и доставлен на дом. Но старушка, взглянув на „святого“, испугалась в сторону и неистово закрестилась: Николай-чудотворец был изображен в модной фуражке набекрень и с тросточкой в руке. О „художестве“ Василия донесли местным властям. Чтобы избежать ареста, он переехал в город Мелекес и немедленно сменил профессию.

Наступил 1914 год. Началась империалистическая война, и его взяли в армию в числе первых. Рядовой 189-го Белгорайского пехотного полка Василий Чапаев первое боевое крещение принял под крепостью Ивангород. Отчаянно храбрый и сметливый Чапаев скоро

прославился как лучший разведчик в полку. Однажды он во главе группы разведчиков в 8 человек захватил в плен 40 вооруженных австрийцев. За боевые подвиги Василий Иванович был награжден „георгиями“ всех четырех степеней. В старой армии это считалось высшей солдатской наградой. Кончил войну Чапаев в звании подпрапорщика.

Годы, проведенные на фронте, не прошли даром. Именно в то время Василий Иванович научился читать. Он познакомился с жизнью замечательных полководцев: Суворова, Наполеона, Ганнибала, а также с народными героями, которых он раньше знал только по песням, — Разиным, Пугачевым. Особенно пленяли Чапаева Степан Разин и Емельян Пугачев, под руководством которых народ боролся за свое освобождение. Об этой борьбе Чапаев думал все чаще и чаще, но не знал еще, как она пойдет и кто ее возглавит.

Василий Иванович был несколько раз ранен, но, может быть, самую глубокую рану он получил у себя дома, которая изломала его личную жизнь. В 1915 году после ранения и лазарета Чапаев получил отпуск и поехал навестить семью в Балаково. Василий Иванович очень любил детей и жену. Но оказалось, что жена за время его отсутствия увлеклась другим, и семья рухнула. Это событие наложило сильный отпечаток на душевную жизнь Чапаева.

2. ЧАПАЕВ—ОРГАНИЗАТОР КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Февральскую революцию Василий Иванович встретил в госпитале города Саратова, где он залечивал последнее ранение, полученное во время империалистической войны.

Трудно было ему в первое время правильно разобраться в водовороте событий, нахлынувших после свержения царя. Россия превратилась в сплошной митинг. Каждая партия выступала со своей программой. Обстановка была сложной и противоречивой. Под влиянием некоторых из своих товарищей Чапаев сперва примкнул к группе саратовских анархистов-коммунистов. Но с каждым днем он все больше и больше прислушивался к большевикам, чувствуя, что там лежит рабочая и крестьянская правда. На митингах он поддерживал большевиков.

Летом 1917 года Чапаев переехал в город Николаевск (ныне Пугачев), Самарской губернии. В этом небольшом степном городе была сильная организация большевиков. Во главе уездного комитета партии стоял бывший шахтер солдат Вениамин Ермощенко. Большевики вели большую работу среди рабочих и солдат, стоявшего в городе 138-го запасного пехотного полка. Солдаты были настроены революционно и еще задолго до Октябрьской революции выгнали из полка всех офицеров и на их место поставили командиров, выбранных из своей среды.

В Николаевске Чапаев сблизился с большевиками и с этого времени на всю жизнь связал себя с партией рабочего класса.

Уездный комитет большевистской партии направил Чапаева в 138-й полк, где солдаты выбрали его своим командиром.

Осенью 1917 года в Николаевском уезде, как и во многих других местах, начались выступления крестьян. Они стали захватывать помещичьи земли, скот, инвентарь. Были разгромлены имения помещиков Устинова, Шмидта. В Чагринском женском монастыре крестьяне отобрали 5000 пудов хлеба, заплатив только половину его стоимости. В селе Пестровке они разбили посланный на усмирение воинский отряд и арестовали члена губернской земской управы. Обстановка накалялась с каждой неделей.

Скоро пришло известие о победе социалистической революции в Петрограде, затем в Москве. 27 октября советская власть установилась в Самаре и Саратове. Приближалась решительная схватка и в Николаевске.

27 октября состоялось экстренное собрание большевиков Николаевска. В партийной организации тогда состояло около 150 человек. Приняли решение готовиться к захвату власти в городе. В первых числах ноября ночью, в небольшой землянке у В. И. Ермощенко, на берегу реки Иргица состоялось тайное совещание уездного комитета. На нем был разработан план восстания. Весь город был разбит на районы. Намечалось прежде всего захватить штаб милиции, телеграф, вокзал, разогнать земство и объявить о переходе всей власти к Советам.



В. И. Чапаев с женой (1915 г.).

Однако восстание пришлось на некоторое время оттянуть. Эсеры подняли бешеную кампанию против большевиков и стали готовить крестьянский съезд. В подготовку его пришлось включиться и большевикам.

16 декабря 1917 года в Николаевске собрался 3-й уездный крестьянский съезд. Под бурные аплодисменты делегатов были одобрены декреты Советского правительства о конфискации помещичьих земель и прекращении войны. Съезд утвердил положение о Красной гвардии.

18 декабря на объединенном заседании Николаевского Совета рабочих и солдатских депутатов и крестьянского съезда было принято решение разогнать контрреволюционное земское собрание и передать всю власть Советам.

С горячей речью выступил председатель съезда В. И. Чапаев. Он говорил: „Товарищи! Съезд—это хозяин уезда, и ваше слово есть закон для уезда. Раньше, товарищи, вы не могли собираться, так как на левое течение было гонение, и буржуазные правительства угощали левых только тюрьмой да каторгой. Товарищи, когда буржуазные правительства сдавали Ригу и хотели сдать Петроград, буржуазия ликовала потому, что она этим надеялась сберечь свой капитал. В то время на наш гарнизон со стороны буржуазии было много нареканий. Но солдаты нашего полка на воззвание товарища Ермощенко откликнулись, и 550 человек пошли на защиту свободы и революции“. Делегаты громким „ура“ приветствовали речь Чапаева.

На съезде был образован уездный совет народных комиссаров во главе с В. И. Ермощенко.

20 января 1918 года была разогнана земская управа. Акт свержения старой власти был совершен под руководством Чапаева.

Когда В. И. Чапаев с группой вооруженных рабочих и революционных солдат подошел к зданию земской управы, там был самый разгар словоизлияния. В президиуме земского собрания сидели местный помещик—комиссар Временного правительства, правые эсеры, кулаки, торговцы. В зал вошли комиссары Советской власти. Вначале они некоторое время внимательно слушали говоривших, даже пытались было взять слово, но затем махнули рукой. Один из них вскочил на стул и громко объявил: „От имени Совета рабочих, солдат-

ских депутатов и крестьянского съезда объявляю земское собрание распущенным“.

После этих слов в зале поднялся невообразимый шум, и началась свалка. Члены президиума бросились на комиссаров. Затрещали стулья, в окнах со звоном посыпались стекла. В этот момент в зал во главе отряда ворвался Василий Иванович. Одним махом он вскочил на стол президиума, выхватил шашку и закричал:

„Слушай мою команду! Президиум объявляю арестованным. Всем остальным разойтись!“

Так закончилось свое существование Николаевское земское собрание.

На другой день контрреволюционеры по набату собрали митинг на главной площади города. Главари их призывали покончить с большевиками. Но порошу у них не хватило. Не успели еще смолкнуть воинственные речи земских деятелей, как на площадь въехал автомобиль с красногвардейцами и революционными солдатами во главе с В. И. Чапаевым. Они дали несколько пулеметных очередей в воздух. После этого на площади не осталось ни одного человека.

Потерпев поражение в городе, буржуазия перенесла центр борьбы в деревню, и с первых же дней существования Советской власти в Николаевске стала поднимать мятежи кулаков, втягивая в них и часть среднего крестьянства. Для подавления мятежей и упрочения Советской власти в уезде нужна была вооруженная сила. 138-й полк, как часть старой армии, не годился для борьбы с врагами новой власти. В нем начался разброд, и он скоро распался. Поэтому перед большевиками Николаевска со всей остротой встал вопрос о создании Красной гвардии, которая могла бы защитить власть Советов. Это дело было поручено Василию Ивановичу Чапаеву. В несколько дней Чапаев организовал отряд Красной гвардии в несколько сот человек из рабочих и бедных крестьян, солдат бывшего 138 полка, став его командиром. Политическим комиссаром отряда был назначен И. Н. Демидкин.

Первый крупный мятеж против Советской власти произошел в селе Большая Глушица в январе 1918 года. Им руководили офицеры. Мятежники зверски расправились с крестьянской беднотой. Василий Иванович с частью отряда был немедленно направлен в Большую

Глушицу. Стояла суровая зима, в степи бушевала пурга. Но это не задержало стремительного продвижения красновардейцев. За двое суток они прошли 120 километров и на рассвете подошли к селу. Отряд ворвался в Большую Глушицу с четырех сторон. Мятеж был подавлен и в селе восстановлена Советская власть, а для ее защиты из крестьян-бедняков организован новый отряд Красной гвардии. Вскоре были ликвидированы кулацкие мятежи в Марьевке, Хворостинке, Большой Луке. На кулаков была наложена контрибуция деньгами и хлебом.

8 марта 1918 года на „масляной неделе“ произошел белогвардейско-эсеровский мятеж в Балакове. Мятежники замучили и зверски убили военного комиссара города—брата Василия Ивановича—коммуниста Григория Ивановича Чапаева. Как только об этом стало известно в Николаевске, в Балаков немедленно выехал отряд Красной гвардии во главе с В. И. Чапаевым. По пути к нему присоединилось несколько мелких отрядов. Когда красновардейцы подошли к городу, там еще шли бои между белогвардейцами и рабочими. Помощь пришла вовремя. Объединенными силами враг был быстро разбит. В. И. Чапаев арестовал не успевших скрыться 36 контрреволюционеров и наложил на балаковскую буржуазию контрибуцию в полтора миллиона рублей. Похороны Григория Чапаева превратились в мощную демонстрацию трудящихся города. В Балакове чапаевский отряд пополнился добровольцами из рабочих и крестьянской бедноты.

К середине марта 1918 года мятежи в Николаевском уезде были подавлены, и Советская власть укреплена. Повсюду были созданы партийные ячейки и красновардейские отряды. Наиболее крупными были Сулацкий отряд под командованием И. М. Плясункова, Хлебновский отряд И. К. Бубенца, Новозахаровский отряд И. С. Кутякова, Горяинский отряд М. Н. Степанова, Порубежский кавалерийский отряд П. А. Сурова и др., каждый от 200 до 600 бойцов. Всего по уезду под знаменами Красной гвардии собралось около 4 тысяч человек. Число членов партии выросло до 2 тысяч человек. Это была внушительная сила. Скоро красновардейцам пришлось выступить для защиты Советской власти за пределы своего уезда.

3. УРАЛЬСКАЯ БЕЛОКАЗАЧЬЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

В марте 1918 года вспыхнул мятеж уральских белоказачков. Лишившись при Советской власти всех преимуществ, которыми они раньше обладали, казаки только ждали подходящего момента, чтобы свалить рабоче-крестьянскую власть. В Уральскую область, как на Дон и в Сибирь, после победы Октябрьской революции бежало из центра много контрреволюционеров. Казачьи офицеры, вернувшись с фронта, возглавили борьбу с Советской властью. В начале марта илецкие казаки уничтожили отряд самарских красногвардейцев. В ночь на 29 марта офицеры и эсеры разогнали Уральский областной Совет и арестовали его членов. В Уральске было создано войсковое белогвардейское правительство.

Советское правительство не могло тогда послать из центра достаточно сил для борьбы с уральскими белоказачками. Основная тяжесть борьбы легла на Саратовский Совет. Вначале Совет, чтобы предотвратить кровопролитие, пошел на переговоры и потребовал от „войскового правительства“ восстановить на Урале Советскую власть и изгнать контрреволюционных офицеров, помещиков и капиталистов. Белоказачки отвергли это требование. Тогда Саратовский Совет объявил мобилизацию сил для вооруженного разгрома контрреволюции.

На его призыв одним из первых откликнулся Николаевский уезд. Уездный комитет большевиков стал готовить силы в поход. 20 апреля был произведен смотр Красной гвардии. Составили три отряда: один в количестве 600 человек под командованием Чапаева, другой в 300 человек во главе с Демидкиным, третий в 500 человек под командованием Шевелева. Отряды выступили на станцию Алтата—место сбора войска „Особой армии“, организованной Саратовским Советом для подавления мятежа в Уральске. Командующим был назначен Загуменный. Общая численность красных войск не превышала 4 тысяч штыков и сабель. На их вооружении было 18 орудий и 110 пулеметов.

1 мая 1918 года „Особая армия“ выступила в поход на Уральск со станции Озинки по линии железной дороги. На левом фланге двигался отряд Василия Ивано-



Бои за Уральск весной и летом 1918 года.

вича Чапаева. Белоказаки беспрестанно обстреливали войска и затрудняли движение. Тогда Чапаев по собственной инициативе оторвался от главных сил и зашел в тыл противнику, оборонявшему Семиглавый Мар. Казаки поздно заметили отряд Чапаева и, боясь окружения, поспешно отошли на восток. Этот смелый маневр позволил ускорить движение Красной армии на Уральск.

Вечером 2 мая казаки, подтянув большие силы, перешли в атаку, чтобы отбить Семиглавый Мар. Завязался жаркий бой. Один из советских отрядов был окружен, и ему грозила гибель. Узнав об этом, Василий

Иванович, несмотря на атаки казачьей конницы, оставил небольшое прикрытие, а сам с основными силами бросился на помощь. Благодаря мужеству чапаевцев окруженные красногвардейцы были спасены. Оба отряда соединились вместе. Скоро враг был отбит и отогнан на восток. До Уральска осталось всего 10 километров. Но в это время были получены сведения, что противник вышел в тыл „Особой армии“ и прервал железнодорожное сообщение с Саратовым. Создалось тяжелое положение. Командиры отрядов собрались на совещание. Большинство высказалось за отступление. 6 мая начался отход. Если при наступлении отряд Чапаева был впереди, то при отступлении он шел сзади, отражая непрерывные атаки казачьей конницы.

Во время отхода приказы штаба „Особой армии“ выполнялись плохо. Много было своеволия со стороны отдельных отрядов. Когда начальник штаба „Особой армии“ за самовольное отступление из Семиглавого Мара отстранил от командования отрядом Шевелева и арестовал его, красногвардейцы немедленно созвали митинг, на котором постановили Шевелева освободить, а начальника штаба и его помощника арестовать и расстрелять. Оба были скоро арестованы. Только вмешательство председателя Саратовского Совета В. П. Антонова положило конец инциденту. При дальнейшем отступлении отряд Шевелева решил разойтись по домам, но по дороге подвергся нападению казаков и был почти полностью уничтожен. Это печальное событие сильно повлияло на другие отряды и несколько дисциплинировало их. К середине мая „Особая армия“ отступила к исходному положению на станцию Алтата.

Неудача „Особой армии“ в походе на Уральск особенно ясно показала несовершенство военной организации рабочих и крестьян в то время. Красная гвардия, выполнив важную задачу по освобождению трудящихся и упрочению Советской власти, полностью себя изжила. На смену ей шла Красная Армия, но организация ее во многих местах, в том числе и в Саратовской губернии затянулась.

Большую помощь местным партийным организациям и Советам в создании частей Красной Армии, которые были бы способны разгромить контрреволюцию, оказал центр. В двадцатых числах мая в Саратов прибыл

председатель высшей военной инспекции республики Н. И. Подвойский. Под председательством В. П. Антонова состоялось расширенное заседание, на котором присутствовали представители Саратовского Совета, командования „Особой армии“, командиров и комиссаров отрядов, высшей военной инспекции. Было постановлено передать руководство боевыми действиями из рук Саратовского Совета командующему вновь образованного Урало-Оренбургского фронта, штаб которого находился в Самаре. Все отряды подлежали реорганизации.

После этого началось создание частей и соединений Красной Армии. Из отрядов Николаевского уезда были образованы два полка — 1-й Николаевский (имени Степана Разина) и 2-й Николаевский (Пугачевский) полки, которые были сведены в бригаду. На собрании командного состава этих полков Василий Иванович Чапаев был избран командиром бригады.

Между тем на востоке страны надвигались грозные события. В конце мая 1918 года поднял мятеж против Советской власти чехословацкий корпус, захватив железную дорогу от Волги до Владивостока. Это послужило сигналом к новым более широким выступлениям белогвардейцев, кулаков, казачества, эсеров и меньшевиков в Поволжье, на Урале и в Сибири. Скоро враг захватил на Волге Сызрань и Самару. В Самаре было образовано белогвардейское правительство „Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания“ (Комуч), или, как его прозвали, „учредилка“.

Активизировались уральские белоказаки. Их отряды стали совершать нападение на уезды Самарской губернии. В мае—июне они предприняли несколько набегов на Николаевский уезд. В селе Перелюбе белоказаки расстреляли членов местного Совета. В селе Семеновке во время боя с казаками погибло 317 крестьян, выступивших на защиту Советской власти. В самом уезде вспыхивали мятежи кулаков. 26 июня мятежники заняли Балаково.

Ввиду большой опасности уездный съезд Советов объявил Николаевский уезд на осадном положении, создал военно-революционный комитет и передал ему всю полноту власти. Делегаты съезда разъехались на места для организации добровольческих отрядов Красной Армии.

Для оказания помощи трудящимся Поволжья и Урала в борьбе с контрреволюцией по указанию Центрального Комитета РКП(б) и Советского правительства на восток были двинуты отряды Красной Армии из центральных районов страны. 12 июня 1918 года Владимир Ильич Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров о призыве на военную службу ряда возрастов рабочих и трудовых крестьян некоторых уездов Поволжья, Урала и Западной Сибири. Декрет распространялся и на Николаевский уезд.

В июне 1918 года был образован Восточный фронт, ставший главным фронтом Советской республики. На Волге и Урале решалась судьба революции. В течение июля—августа 1918 года войска, сражавшиеся против чехословаков и белогвардейцев, были сведены в пять армий.

„Особая армия“ составила основное ядро 4-й армии, а действовавшие к северу от нее в районе Пенза—Самара—Симбирск советские части образовали 1-ю армию. В течение всего лета армии Восточного фронта вынуждены были отступать. Превосходство было на стороне врага, располагавшего опытными офицерскими кадрами. Силам контрреволюции оказывали помощь империалисты Антанты.

Предпринятое в конце июня—начале июля второе наступление на Уральск, подобно первому, окончилось неудачей. Причина ее заключалась в том, что наряду с общим тяжелым положением страны, Красная Армия еще не успела окрепнуть и стать настоящей регулярной армией, в ней сильны были остатки партизанщины. Некоторые командиры сами нарушали дисциплину, своевольничали и не выполняли приказов. Красноармейцы часто сами решали на митинге, что им делать. Остро чувствовался недостаток в опытных военных специалистах. Несмотря на храбрость и беззаветную преданность Советской власти многие командиры, вышедшие из рабочих и беднейших крестьян, плохо знали военное дело. Политическая работа в армии была слаба, а между тем основной состав ее был из крестьян, больше всего нуждавшийся в политическом воспитании. Вот почему и случилось то, что оставило такое тяжелое воспоминание у В. И. Чапаева, когда после второго похода на Уральск красноармейцы его бригады решили временно разойтись по домам.

4. БОРЬБА С БЕЛОЧЕХАМИ И „НАРОДНОЙ АРМИЕЙ“

Опасность, надвинувшаяся на Поволжье, побудила большинство бойцов чапаевской бригады вернуться в полки ранее установленного ими срока. Предстояли ожесточенные бои с белочехами и „народной армией“, образованной самарской учредилкой. В конце июля бригада В. И. Чапаева вошла в состав Николаевской дивизии, штаб которой помещался в Николаевске.

Ввиду того, что работа местного военного аппарата по мобилизации населения в армию не была налажена, а пополнения из других мест еще не поступали, В. И. Чапаев провел эту работу своими силами.

Когда крестьяне спрашивали Василия Ивановича, какой год мобилизовать, он отвечал:

— Мне нужно людей не по годам, давайте таких, которые стоят за Советскую власть.

Мобилизация, объявленная Чапаевым в селах и деревнях Николаевского уезда, позволила значительно усилить полки. В начале августа его бригада насчитывала более 3 тысяч штыков и сабель и имела 8 орудий, 65 пулеметов и одну бронемашину.

В августе 1918 года белочехи из района Самары повели наступление на Николаевск. Им помогали „учредилковцы“, расположенные в районе Хвалынска. 20 августа чешские legionеры заняли Николаевск. Командир белочешского полка объявил город на осадном положении и приказал немедленно выдать всех сторонников Советской власти. В городе начались расстрелы и грабежи населения.

Полки чапаевской бригады в это время находились в 30—40 километрах к востоку от города. Командир дивизии С. П. Захаров приказал им немедленно двинуться к Николаевску и атаковать белочехов. Однако план операции, разработанный штабом, не учитывал сложившейся обстановки и мог привести к большим потерям в людях.

Тогда В. И. Чапаев выдвинул свой план. Он решил обойти одним полком противника, находившегося к северу от Николаевска, а затем одновременно с фронта и с тыла ударить по нему, разбить, а затем наступать на город. Задача была трудная, требовала большой смелости и риска. Но бойцы верили своему командиру

и приступили к выполнению приказа. Василий Иванович сам руководил 2-м Николаевским (Пугачевским) полком.

21 августа два советских полка с фронта и тыла атаковали большие силы белочехов в районе села Таволжанка и полностью уничтожили их. На вооружение бригады поступили новые орудия и пулеметы. После этого чапаевцы повели наступление на Николаевск.

Ночью в нескольких километрах от города они встретили еще полк белочехов и разгромили его, захватив большие трофеи. В этом бою особенно отличился И. К. Бубенец.

Произошло это следующим образом. Чапаевские полки, подойдя к городу, свернули с дороги и стали ожидать рассвета, чтобы ударить на врага. Через некоторое время по дороге к Николаевску появился большой обоз. В темноте нельзя было понять, кто двигался. Тогда командир батальона Разинского полка Бубенец с несколькими бойцами направился к обозу и остановил головную повозку. На вопрос советского командира, кто едет, последний ответил на ломаном русском языке:

— Я есть чехословацкий полковник. Я направляюсь со своим полком в город Николаевск.

Бубенец, не долго думая, стукнул как можно сильнее каблуками, приложил руку к козырьку и отчеканил:

— Господин полковник, разрешите немедленно доложить полковнику—командиру добровольческого отряда о прибытии союзных войск!

— Пожалуйста,—ответил белочех.

Бубенец послал одного из своих спутников немедленно сообщить Чапаеву о происшествии, а сам стал заговаривать полковника, рассказывая ему о мнимых победах над красными.

Василий Иванович первое время не поверил сообщению, но увидя огни от папирос, которые курили неприятельские солдаты, и услышав чужой говор, понял, что действовать надо немедленно.

К обозу тихо подошли два батальона красноармейцев. По сигналу они открыли залповый огонь. К утру все было кончено.

Это событие так подействовало на противника, находившегося в городе, что он, не приняв боя, в панике отошел на север.

Утром 22 августа бригада Чапаева вступила в Николаевск, который по предложению Василия Ивановича был переименован в Пугачев. В. И. Чапаев был назначен комендантом города.

Комиссар 4-й армии Зорин писал об этих боях в Народный комиссариат по военным делам: „Преисполненные военного энтузиазма товарищи красноармейцы 2-го Николаевского полка во главе с командиром Чапаевым особенно отличились в последнем бою под Николаевском, разбивши наголову чехословацкие и казачьи банды. Они отобрали огромный обоз противника, до 2000 снарядов, 4 тяжелых орудий и 6 пулеметов“. Комиссар армии ходатайствовал о награждении 2-го Николаевского полка боевым революционным красным знаменем.

Победы чапаевской бригады в августе имели большое значение. После поражения под Николаевском чешские legionеры больше не пытались продвигаться на юг от Самары. Ослабли позиции белогвардейцев. В боях за Николаевск В. И. Чапаев проявил не только храбрость, находчивость и инициативу, но и свои большие военные дарования.

Радость чапаевцев ввиду освобождения родного города скоро была омрачена страшным сообщением из Москвы. 30 августа вечером телеграф принес в Николаевск весть о том, что эсеркой Каплан в этот день был тяжело ранен Владимир Ильич Ленин. Узнав об этом, Василий Иванович с горечью сказал:

„Как же они это в Москве не могли уберечь нашего Ленина от одной бандитки? Эх, кабы моим бойцам доверили охранять Ленина, никогда бы такого не случилось!“

Уезжая из города на позиции, он просил уездный Комитет партии передавать в его штаб как можно чаще сведения о состоянии здоровья Владимира Ильича. 2 сентября в бригаду пришло сообщение, что Ильичу стало лучше. На митинге, устроенном по этому случаю, чапаевцы поклялись отомстить за раны своего вождя. И они сдержали свое слово.

В начале сентября „народная армия“ учредиловцев



В. И. Чапаев, И. К. Бубенец, И. С. Кутяков (стоит) (1918 г.).

предприняла новую попытку наступать из района Хвалынского вниз по Волге на Саратов. По правому берегу наступала группа в 4 тысячи, по левому—6 тысяч человек. Целью противника было занять Вольск, Балаково и ударить в тыл 4-й армии. Одновременно на юге активизировали свои действия уральские белоказаки, полки которых рвались к Волге. 6 сентября белогвардейцы захватили Вольск.

Василий Иванович Чапаев тогда временно командовал Николаевской дивизией, которой было приказано разгромить левобережную группу врага. Для этой цели Чапаев сосредоточил в 30 километрах к северу от Пугачева в районе деревень Озенки и Селезниха четыре стрелковых и один кавалерийский полк. План был такой: один полк действует с фронта, а остальные четыре наносят удар во фланг и тыл противнику. Перед боем Чапаев и комиссар дивизии московский рабочий-коммунист Семенников, посланный на фронт Центральным Комитетом партии, проинструктировали командиров и воодушевили бойцов. Оба все время находились на поле боя, руководя полками.

9 сентября на рассвете красные воины атаковали врага. Участник боя, командир полка имени Степана Разина И. С. Кутяков, так описал это событие:

„Темной сентябрьской ночью главные силы Чапаева скрытно от врага заняли исходное положение для атаки в 5 километрах от Орловки. Стояла свежая осенняя погода. Части расположились на ночь в ожидании рассвета. Бойцы не курили. Все хранили молчание. Приказания и команда отдавались шопотом, и только пение петухов, изредка доносившееся из села, нарушало мертвую тишину. Легкий утренний морозец пробегал по коже бойцов. Но его не замечали. Такой морозец чувствуешь всегда перед боем даже в самый жаркий солнечный день.

Но вот начало рассветать. Неожиданно где-то вдалеке послышался артиллерийский залп. Это 4-й пехотный полк открыл огонь по селу Ливенка, в котором расположилось до трех тысяч солдат армии самарской „учределовки“. Залп служил сигналом для главных сил Чапаева начать наступление на Орловку.

Командиры полков и батальонов проскакали верхом по своим цепям. Послышались тихие, но властные



В. И. Чапаев и командир 22-й дивизии С. П. Захаров (1918 г.).

команды ротных командиров: „Встать. Равняйтесь по передним. Вперед, на огни Орловки!“

Прошло еще полчаса. Двенадцать дивизионных орудий дали артиллерийский залп по Орловке. Через несколько минут над цепями пролетели ответные снаряды, разрываясь где-то в районе наших артиллерийских позиций.

Цепь красных бойцов сразу ожила. Десятки пулеметов белых и красных открыли огонь. 4-й пехотный полк бросился в атаку на Ливенку. Но тут произошла измена со стороны сорока кулаков-бойцов 4-го пехотного полка, мобилизованных в селе Брыковка. Когда цепи полка стремительно бросились на противника, они открыли предательскую стрельбу по своим командирам. Красные бойцы, увидев, что их командиры в большинстве своем перебиты и ранены, пришли в замешательство и стали в беспорядке отходить на Озинки. Белые преследовали их до реки Малый Иргиз. 40 изменников перешли на сторону врага.

Однако этот успех не мог помочь „учредивцам“. Василий Иванович лично вел в атаку то пехоту, то конницу. Под ним убили коня, но Чапаева трудно было остановить. Он наносил удар за ударом. Нако-

нец, белогвардейцы не выдержали и начали в панике отходить на Ливенку.

На плечах бегущего противника Чапаев ворвался в село Ливенка, выйдя тем самым в тыл ливенской группе противника. Последняя, узнав о разгроме своего орловского отряда, бросилась бежать на село Липовка, пробивая себе дорогу штыком.

Невзирая на усталость своих бойцов, подбадривая их личным примером и ласковыми словами, Василий Иванович двинул все четыре полка на Липовку, в которой белогвардейцы начали было приводить свои части в порядок и укрепляться на южной окраине села. Чапаевцы, невзирая на огонь врага, штыками взяли Липовку. Белогвардейцы в третий раз обратились в бегство.

Противник был разбит. Он потерял более тысячи человек. Однако многих бойцов недосчитались и чапаевцы. В бою был смертельно ранен командир полка Курсаков, убит помощник командира полка Чуркин и некоторые другие командиры.

В этом бою Чапаев проявил большое мастерство. Он воевал не числом, а умением, искусно применял маневр. Удар, нанесенный им по войскам учредилки, на левом берегу Волги был настолько сильным, что после него враг уже не смог оправиться. Началось наступление советских войск вверх по Волге. 12 сентября был освобожден Вольск, 16 сентября—Хвалынский.

Несмотря на то, что бригада почти не выходила из боев и передышек было мало, Василий Иванович всегда находил время, чтобы укрепить полки и поднять их боеспособность. Он пользовался всяким случаем, чтобы воспитывать красноармейцев, прививать им дисциплину, отучать от вредных привычек.

Однажды во время небольшого отдыха группа красноармейцев Разинского полка затеяла картежную игру в „очко“. Об этом сообщили Василию Ивановичу. Он быстро вбежал в избу. Игравшие немедленно спрятались кто под кровать, кто на полати, кто за печку. У стола остался только один пожилой красноармеец—добровлец. Чапаев вскипел:

- Для чего ты играешь в карты, чтобы проиграть?
- Нет,—ответил тот,—чтобы выиграть.

— А для чего тебе деньги?—спросил Чапаев.—Ты ведь обут, одет и сыт.

Красноармеец сослался на то, что его жена в деревне очень нуждается в деньгах. Чапаев сразу отошел и распорядился послать ей 100 рублей денег, а волисполкому приказал обеспечить ее хлебом. В то же время Чапаев предупредил всех, что если он еще раз услышит о картежной игре, то отошлет игроков домой. Для добровольцев это было самым большим наказанием. После этого игра в карты в полку прекратилась.

Василий Иванович старался во всем как в бою, так и на отдыхе действовать примером. В быту он был скромным и чутким товарищем. Не пил, не курил, был честен и правдив во всем.

В Николаевске он женился второй раз на Пелагее Каясовой, крестьянке села Березово, жене близкого своего друга, погибшего в мировую войну. У Чапаева было трое детей и у нее двое. Образовалась большая семья.

Когда выпадало свободное время, Василий Иванович вместе с бойцами приезжал к семье. Тогда в доме Чапаевых не прекращались смех и песни. Вместе с ребятишками он играл в прятки, устраивал „фокусы“. В игры вовлекались также и красноармейцы. Дом Чапаевых всегда был полон людей. В нем останавливались бойцы и командиры, ехавшие из части в Пугачевск или к себе домой. Нередко он превращался в лазарет для раненых красноармейцев.

Во время напряженных боев на фронте 4-й армии, в Пугачев 19 сентября вдруг неожиданно прикатил специальный поезд Троцкого с большой вооруженной охраной. Троцкий в то время занимал пост народного комиссара по военным и морским делам и приехал „выжигать огнем партизанщину“ и „наводить порядок“. Бывшая в то время секретарем уездного комитета партии Р. Борисова так описала встречу Чапаева с Троцким:

„Троцкий, стуча кулаком по столу, заявлял:—Вы поедете в Академию. Таково решение народного комиссариата по военным делам, и вы от этого отказаться не можете. Это—мое распоряжение.—Чапаев возражал, доказывая, что его сейчас снимать с фронта нельзя, что его отряды не могут сейчас быстро переключиться

на ведение борьбы под командованием другого командира. Самара вот-вот будет взята, он не бросит фронт, сейчас ехать учиться не хочет, не может. Но Троцкий ничего не хотел слышать. Грозь, он требовал от Чапаева немедленного выезда в Москву, в академию¹.

Но Чапаев сразу в академию не поехал. Командование 4-й армии назначило его начальником вновь сформированной 2-й Николаевской дивизии¹ и поручило во время наступления на Самару прикрывать левый фланг и тыл армии, а затем идти на Уральск.

Штаб армии дал необдуманную директиву дивизии, поставив перед ней непосильную задачу. Из-за этого между В. И. Чапаевым и штабом 4-й армии возник острый конфликт. 2-й Николаевской дивизии в октябре пришлось вести ожесточенные бои с белоказаками. В одном из донесений в штаб 4-й армии В. И. Чапаев сообщал:

„Доношу, что бой идет без остановки четверо суток. Противник бросился на наш кавалерийский полк количеством до 2000 кавалерии и одним батальоном пехоты. Наш кавалерийский полк не выдержал, бросился в паническое бегство, при чем, оставили противнику два орудия, весь обоз и два пулемета. Потери громадные, много убито и ранено. На поддержку кавалерийскому полку я выступил с учебной командой. Кавалерийский полк был остановлен, спешен и снова перешел в контратаку. Противник был выбит из занятых позиций, но снаряды и обоз были захвачены противником. Балашовский полк неоднократно переходил в атаку, последний раз был сбит с позиции и противник забрал две роты в плен с двумя пулеметами. Положение восстановлено; в Пензенском полку много убитых и раненых. Жду поддержки. Положение критическое, противник силами превышает в пять раз, необходим бронированный автомобиль“.

Дивизия понесла большие потери. Только благодаря большому искусству ее командира и храбрости бойцов она смогла выполнить часть порученной ей задачи. Полки оттянули на себя большие силы врага и дали

¹ 2-я Николаевская дивизия состояла из двух стрелковых и одного кавалерийского полка и фактически представляла из себя бригаду.



В. И. Чапаев с командирами 25-ой дивизии.

свободу действий главным силам 4-й армии. 7 октября войска 4-й и 1-й армий освободили Самару. К этому времени 4-я армия значительно окрепла. Большая заслуга в этом принадлежала Валериану Владимировичу Куйбышеву. Он был назначен осенью 1918 года членом Революционного военного Совета 4-й армии.

5. В АКАДЕМИИ

В ноябре В. И. Чапаев стал готовиться в Москву. Слава Чапаева, вчерашнего плотника, бедняка, а теперь знаменитого организатора красных полков и командира, наводившего ужас на врагов, гремела по Волге, Уралу и долетела до Москвы. Чапаев был рожден Октябрем. Не будь пролетарской революции, не было бы и Чапаева, как и многих других героев. Революция вызвала к жизни тысячи народных талантов, которые капитализм мят и душил. В. И. Чапаев был наиболее ярким и самобытным представителем народа, за которым внимательно следил В. И. Ленин. Он часто спрашивал приезжавших из 4-й армии и из Пугачева людей: „Ну, как Чапаев, воюет?“

Тяжело было уезжать Василию Ивановичу. Он тепло простился с бойцами, с которыми был тесно связан походами и общей борьбой против врагов Советской власти. Красноармейцы сердечно проводили своего любимого

командира. Красные кавалеристы 12 ноября писали ему: „Мы, представители эскадронов рот и команд 2-го кавалерийского имени Гарибальди полка, собравшись сего числа, обсуждали вопрос об отъезде от нас начальника дивизии товарища Чапаева и постановили: приветствовать его, как одного из передовых борцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как успешного организатора деревенской бедноты. Не считаясь с тем, что в нашем забитом степном уголке царила полудикая темнота, он успешно сумел создать боеспособные полки, которые сдержали натиск чехословаков с одной стороны и казаков-белогвардейцев—с другой, выгонял из Николаевска и из всего Николаевского уезда несколько раз контрреволюционные банды, что послужило великой поддержкой всей рабоче-крестьянской революции. А по сему и приветствуем дорогого вождя товарища Чапаева за его храбрость, доблесть и отвагу, выражаем доверие и поддержку. Вместе с тем просим рабоче-крестьянскую власть в дальнейшем товарища Чапаева иметь в виду как одного из передовых бойцов Красной Армии“.

Реввоенсовет 4-й армии дал Василию Ивановичу аттестацию, в которой говорилось, что начальник Николаевской дивизии обладает умением в сложной боевой обстановке принимать смелые разумные решения, хорошо руководить войсками—умением координировать действия частей, применять маневр и удар.

В ноябре 1918 года Василий Иванович приехал в Москву. При заполнении анкеты на ускоренные курсы Академии генерального штаба Красной Армии В. И. Чапаев на вопрос: „Принадлежите ли Вы к числу активных членов партии; в чем выразилась Ваша активность?“ ответил: „Принадлежу. Сформировал 7 полков Красной Армии“. Василий Иванович рассматривал свою военную работу как важнейшее поручение партии.

Трудно было Чапаеву в академии. Подготовки у него никакой не было. Преподаватели из бывших генералов и полковников свысока относились к слушателям. Да и по натуре Василий Иванович был не из таких, чтобы в самый разгар гражданской войны сидеть в кабинете и терпеливо штудировать науки. Скоро он затосковал по родным степям, по боевой походной жизни, по друзьям, которые сражались с врагами.

Василий Иванович понимал, что учиться надо, что

тяжело воевать без знаний, но в то же время видел почти бесцельность своего пребывания в академии. И он стал добиваться направления на фронт. В январе 1919 года он послал члену Революционного военного совета 4-й армии Г. Д. Линдову письмо с просьбой помочь ему вернуться в строй.

„Прошу вас покорно,—писал он,—отозвать меня в штаб IV армии на какую-нибудь должность—командиром или комиссаром в любой полк. Преподавание в Академии мне не приносит никакой пользы. Что преподают, я это прошел на практике. Вы знаете, что я нуждаюсь в общеобразовательном цензе, которого здесь я не получаю и томиться понапрасну в стенах я не согласен¹. Это мне кажется тюрьмой, и прошу покорно не морить меня в такой неволе.

Я хочу работать, а не лежать, и, если вы меня не отзовете, я пойду к доктору, который меня освободит, и я буду лежать бесполезно. Но я хочу работать и помогать вам, если вы хотите, чтобы я вам помогал.

Я с удовольствием буду к вашим услугам.

Так будьте любезны, выведите меня из этих каменных стен.

Уважающий вас Чапаев“.

Г. Д. Линдов ответил, что отзыв из академии может решить только Москва. Помог Чапаеву Владимир Ильич. Ленину рассказали, что Чапаев очень нужен на фронте, хочет туда ехать, но его не отпускают из академии. Вскоре после этого разговора Василий Иванович получил направление в 4-ю армию.

Впоследствии он говорил своим друзьям, что хоть и попал в академию не вовремя и не по своей воле, а даром времени не потерял: научился разбираться в топографии. Самой большой его радостью в Москве было то, что он несколько раз видел и слышал В. И. Ленина. Простые и убедительные слова Ильича глубоко запали в его душу и вызвали к жизни новую энергию.

¹ В академии в то время преподавалось более двадцати учебных дисциплин. Среди них были такие: философия войны, военная психология, государственное право, международное право, социология, логика и методы научного исследования и др. Ясно, что Василий Иванович Чапаев не был подготовлен к восприятию такого материала.

6. АЛЕКСАНДРОВО-ГАЙСКАЯ БРИГАДА

В середине февраля Чапаев приехал в Самару, где помещался штаб 4-й армии. В то время в командование армией вступил Михаил Васильевич Фрунзе, бывший до этого комиссаром Ярославского военного округа. Он высоко оценил В. И. Чапаева, полки которого в конце января 1919 года освободили город Уральск.

М. В. Фрунзе вызвал к себе Василия Ивановича на беседу. Говорили они долго. Командарм подробно расспрашивал Чапаева о его боевой деятельности, об учебе в академии, а потом сам давал советы. Василий Иванович рассказал все, ничего не утаил. Под конец он поведал и об академии.

— Как-то раз, — говорил Чапаев, — захотели меня проэкзаменовать, — скажи, — спрашивают, — где течет река Рейн?

— У немцев, — отвечаю. А точно, пес ее знает, не помню. Смотрю, усмеваются. Подумал я немного и сам в атаку. — А скажите, пожалуйста, знаете, где река Солянка? — Нет, — говорят, — не знаем. — Как же, — спрашиваю, — чужую реку знаете, а свою нет? А я на ней весь восемнадцатый год с казаками воевал, да еще придется драться. Она большое значение имеет. — Михаил Васильевич Фрунзе долго смеялся после этого рассказа.

В. И. Чапаев был назначен командиром отдельной Александрово-Гайской бригады. Комиссаром к нему послали Дмитрия Фурманова, прибывшего из Иваново-Вознесенска с полком рабочих.

Александрово-Гайская бригада не отличалась особой боеспособностью. С приездом В. И. Чапаева и Д. А. Фурманова и группы иваново-вознесенских рабочих-коммунистов положение скоро изменилось. Они внесли дух большевистской организованности и дисциплинированности. В полках была налажена политическая и культурно-просветительная работа, организованы партийные ячейки. Комиссар Фурманов объединил вокруг себя коммунистов. Он разъяснял им, что коммунист имеет только одно право — первому умереть за Советскую власть.

Первое время Чапаев испытывал нового комиссара, присматривался к нему. Но это было недолго. Фурма-

нов показал себя не только великолепным агитатором и организатором, но и смелым бойцом. А смелых людей Чапаев очень любил. Скоро между Чапаевым и Фурмановым завязалась горячая дружба. В Дмитрие Фурманове Василий Иванович нашел то, что ему так не доставало—широты кругозора и твердой идейной закалки. Под влиянием комиссара-коммуниста Фурманова он начинает изживать оставшиеся у себя стихийно-анархические черты.

Приехавшие вместе с М. В. Фрунзе коммунисты и беспартийные рабочие из Иваново-Вознесенска сыграли огромную роль в укреплении всей 4-й армии, основная масса которой состояла из крестьян. Кроме Фурманова комиссарами соединений были посланы Андреев, Топорков, Голков. Из остальных рабочих был сформирован 220-й Иваново-Вознесенский полк, ставший лучшим полком во всей армии.

Перед В. И. Чапаевым была поставлена задача: освободить станицу Сломихинскую, а затем помочь другим частям армии взять Лбищенск.

8 марта 1919 года Александрово-Гайская бригада перешла в наступление и в несколько дней освободила десять населенных пунктов. 16 марта она взяла Сломихинскую. 18 марта части армии вошли в Лбищенск (ныне поселок Чапаево).

Потеря Уральска, Сломихинской и Лбищенска деморализовала противника. Уральская белоказачья армия стала разлагаться. Многие казаки переходили на сторону Красной Армии. Еще несколько ударов и враг был бы полностью уничтожен, но в это время в центре Восточного фронта произошли события, которые заставили отвлечь туда основные силы советских войск. Это и спасло уральских белоказаков.

7. НА КОЛЧАКА

Весной 1919 года начался поход Колчака. Он наступал с Урала на Волгу. Цель его была—взять Москву. Поход этот стал готовиться еще с осени 1918 года. Империалисты Англии, Франции, Америки и Японии передали Колчаку много оружия, боеприпасов, обмундирования. Они послали своих офицеров, чтобы помочь быстрее создать белогвардейскую армию. К марту

1919 года колчаковское войско насчитывало 400 тысяч человек. В тылу белогвардейцев расположилось 150 тысяч интервентов. Они подавляли восстания рабочих и крестьян и охраняли Сибирскую железную дорогу, по которой Антанта снабжала Колчака.

В первых числах марта 1919 года две самые сильные колчаковские армии—генерала Ханжина и генерала Гайды—перешли в наступление против советских войск в центре и на левом крыле Восточного фронта. В короткое время они захватили Уфу, Воткинск, Ижевск, Стерлитамак, Белебей, Бугуруслан и в конце апреля находились в 30—80 километрах от Волги.

Воспользовавшись тем, что основное внимание Советской власти было приковано к Волге, на юге вновь зашевелились уральские белоказаки, а в районе Оренбурга активизировал боевые действия атаман Дутов. В апреле 1919 года власть в уральском войсковом правительстве захватил гурьевский атаман Толстов. В короткое время он увеличил и укрепил армию и стал теснить советские полки.

Белогвардейцы и интервенты торжествовали победу. На востоке страны нависла грозная опасность.

В эти тяжелые для Советской республики дни Коммунистическая партия дала лозунг: „Все против Колчака“, и возглавила мобилизацию рабочих и крестьян для борьбы с новым нашествием врагов.

11 апреля Владимир Ильич Ленин написал „Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта“. В них была изложена программа борьбы с белогвардейцами и интервентами. Началась мобилизация коммунистов, членов профсоюзов, рабочих и крестьян в Красную Армию. На Восточный фронт потекли многотысячные людские пополнения, десятки эшелонов с оружием, боеприпасами, обмундированием. В короткое время армии, сражавшиеся против Колчака, получили более 100 тысяч человек, в том числе 11 тысяч коммунистов.

Отправляясь на фронт, коммунисты горячо призывали последовать их примеру. В воззвании Самарского добровольческого полка к рабочим, крестьянам и всем трудящимся говорилось:

„Если ты молод, силен и здоров,
Если ты не трус и не хочешь быть снова рабом,

Если ты скорбишь душою за страдающий народ,
Если муки твоих братьев болью отзываются в твоём сердце,

Если ты хочешь видеть светлое царство, созданное руками трудящихся,

Если ты хочешь кончить скорее великую борьбу угнетенных с угнетателями и перейти к мирному труду, строительству новой жизни,

НЕ МЕДЛИ...

Устал и измучен твой товарищ и брат-красноармеец, уже дважды своей кровью освободивший тебя от рабских цепей.

В непрерывных боях грудью своею он защищает каждую пядь Советской России.

Последние силы напрягает твой брат, охраняя твою свободу и честь, отстаивая священное право трудящихся строить свою жизнь по-своему. Он устал и измучен...

ИДИ, ИДИ...

Исполни свой долг перед ним и перед угнетенными всего мира“.

Коммунисты вдохнули в уставшие полки новую энергию и совершенно преобразили их.

Началась подготовка войск для нанесения врагу сокрушительного удара. Для лучшего управления армии Восточного фронта были сведены в две группы— Южную и Северную. Границей между ними была река Кама. Командующим Южной группой армии был назначен Михаил Васильевич Фрунзе, членами Реввоенсовета—председатель Самарского Совета Валериан Владимирович Куйбышев и преданный Советской власти военный специалист Федор Федорович Новицкий, который одновременно являлся начальником штаба. М. В. Фрунзе были подчинены 4-я, 1-я, 5-я и Туркестанская армии.

Было решено создать ударную группу, сосредоточить ее в районе Бузулука и оттуда ударить во фланг и тыл армии Ханжина, продвигавшейся к Волге. В состав ударной группы была включена как одна из самых лучших 25-я Самарская дивизия, снятая с Уральского фронта. Дивизией в это время командовал Васи-

лий Иванович Чапаев, а комиссаром был Д. А. Фурманов¹.

В последних числах апреля 1919 года М. В. Фрунзе писал в обращении к красноармейцам и населению.

„Враг трудового народа Колчак наступает на Волгу. Окрыленные его успехами помещики, капиталисты, царские генералы, жандармы и охранники готовят новую петлю на шею народа. Этому не бывать! Рабоче-крестьянская Русь встрепелась. Она с твердой верой смотрит на нас и шлет свою помощь. Колчаковские банды зарвались. Им подготовлен страшный удар. Мною отдан приказ армиям группы перейти в решительное наступление и уничтожить врага. Каждый из вас должен выполнить свой долг. Победа обеспечена. Рабочие и крестьяне России рабами больше не будут никогда!

Смело вперед, на последний бой труда с капиталом! Вперед! За землю и волю, за свободный труд в свободной социалистической стране!

Вперед, за утверждение господства трудящихся!

Командующий войсками группы *Михайлов-Фрунзе*“.

28 апреля войска Южной группы перешли в контр-наступление. Впереди была 25-я дивизия. Ей предстояло разбить лучшие части колчаковцев.

До наступления Чапаев выступил перед полками.

„Товарищи! — обратился он, — идем воевать на Колчака.

Много мы с вами побили казаков и белочехов. Не уйдет и адмирал Колчак“.

Чапаев говорил просто, убедительно, горячо. Он приводил простые жизненные примеры всем знакомые и понятные. Красноармейцы неоднократно прерывали речь бурей аплодисментов. Чапаев зажег бойцов, вдохновил их на новые победы, и они готовы были выступить в поход по первому сигналу.

За несколько дней до наступления красноармейцы 25-й дивизии захватили в плен вражеских ординарцев,

¹ 25-я Самарская дивизия была расформирована в январе 1919 года. В грозные дни борьбы с Колчаком М. Ф. Фрунзе воссоздал эту дивизию. В состав ее вошли бригада И. С. Кутякова, в основном из красноармейцев, уроженцев Николаевского уезда, бывшая Александрово-Гайская отдельная бригада и бригада сформированная в Самаре из иваново-вознесенских рабочих (220-й полк), сызранских, самарских и московских рабочих.

везших секретный приказ. Об этом сообщили Василию Ивановичу. Он прочитал документ колчаковцев, правильно оценил его значение для советских войск и немедленно направил М. В. Фрунзе. В захваченном приказе раскрывалась группировка врага и его силы. Это позволило советским войскам бить белогвардейцев по их слабым местам.

Однако условия наступления были очень тяжелыми. Речки и овраги были полны талой воды. Земля не просохла. Повозки застревали в грязи. Красноармейцы на себе тянули пушки. Положение осложнилось предательством командира одной из бригад 25-й дивизии бывшего царского офицера Авалова, перешедшего на сторону врага. Изменник раскрыл колчаковцам план М. В. Фрунзе. Белогвардейцы успели принять ряд мер.

В первый день наступления чапаевцы атаковали на реке Боровке (к северу от Бузулука) 11-ю дивизию белых. Враг отчаянно сопротивлялся. Он поливал красноармейцев артиллерийским и пулеметным дождем, но остановить советские полки не мог. В бою героически проявили себя многие командиры и бойцы.

Двадцатидвухлетний командир бригады Иван Кутяков с семидесятью кавалеристами пробрался в неприятельский тыл. В одном месте они заметили двигавшуюся батарею противника. Кутяков разделил отряд на две части и сам с небольшой группой бросился в атаку. Офицеры оказали сопротивление, но при помощи своих же солдат-артиллеристов их удалось быстро ликвидировать. Из захваченных орудий открыли огонь по колчаковскому полку, который, видя безвыходное положение, сдался наступавшей на него советской части.

Захватив батарею, Кутяков с двадцатью кавалеристами поскакал дальше в тыл за обозом и ворвался в деревню, где стоял штаб 11-й колчаковской дивизии. Там поднялся страшный переполох. Командир дивизии полковник Золотозубов вместе с дивизионным попом вскочили в коляску и бросились бежать.

За ними погнался Кутяков. Он уже занес шашку, но в это время поп выстрелил и ранил его коня. От второй пули конь повалился на землю. Кутякову больше ничего не оставалось делать, как укрыться в ближайшей роще. Вдруг он увидел крестьянина, ехав-

шего в телеге, запряженной парой лошадей. Кутяков вскочил верхом на одного коня, обрубил построжки и помчался в деревню, где остались его товарищи.

Однако положение там изменилось. Белогвардейцы к этому времени успели опомниться от налета, часть красноармейцев убили, часть прогнали. Кутяков сразу понял, что случилось здесь в его отсутствие. В одном месте он заметил раненого красноармейца. Не долго думая, подскочил к нему, посадил рядом с собой на коня, и они вдвоем поскакали из деревни. Встретив в поле небольшую группу советских конников, решили все вместе прорваться через долину, простреливаемую противником.

Лошадь у Кутякова была здоровая, но для быстрой операции не годилась. Тогда красноармеец Яков Галах отдал своего коня командиру, а сам пошел пешком, рискуя быть убитым или захваченным в плен и растрелянным.

После этого бойцы во главе с комбригом под огнем противника карьером помчались по полю. Когда прибыли в передовой советский полк, не досчитались двух всадников. Кутяков приказал конной разведке вырваться вперед и преследовать обоз противника. Через некоторое время в полк прибыло много подвод с военным имуществом колчаковцев.

К концу дня вражеская дивизия была разгромлена. Через день такая же участь постигла и другую колчаковскую дивизию. Противник не выдержал натиска 25-й дивизии и поспешно отступил, не задерживаясь даже на удобных позициях.

Несмотря на утомление от больших переходов, красноармейцы дивизии смело и гордо шли вперед, чем поднимали дух бойцов других дивизий. 4 мая был освобожден Бугуруслан.

Колчаковцы решили во что бы то ни стало уничтожить ненавистную им 25-ю дивизию. Они бросили против чапаевцев корпус генерала Войцеховского и самую лучшую во всей колчаковской армии Ижевскую бригаду. 9 мая произошел жестокий встречный бой, а 10 мая В. И. Чапаев писал в приказе по дивизии:

„Командюж группы тов. Фрунзе, прибыв лично 10 мая в район боевых действий 25-й дивизии, с чувством гордости отметил высокодоблестное поведение всех

войск 25-й дивизии, полки которой вновь нанесли страшное поражение врагу, целиком разгромив всю Ижевскую бригаду противника¹ и пленив свыше 1500 человек. Поздравляя войска дивизии с победой, командующий благодарит именем рабоче-крестьянской России всех товарищей красноармейцев, всех командиров и комиссаров.

На полях Бугуруслана, Кандыза и Бугульмы ныне решается участь Колчака, а с ним и всей контрреволюции. Еще одно небольшое усилие полков 25-й дивизии, и враг будет окончательно сломлен.

Вперед, товарищи! Вся Россия и трудящиеся всех стран смотрят на вас, избавления от гнета буржуазии ждут от вас трудящиеся“.

Большую помощь красным воинам при наступлении оказывали рабочие и крестьяне, находившиеся в ближайшем тылу врага. При отходе советских войск 380 жителей деревни Сосновки ушли вместе с Красной Армией. Когда же советские воины перешли в наступление, крестьяне помогли им лесными тропами проникнуть к Сосновке и окружить находившийся там 22-й белогвардейский полк. Во время атаки деревни оставшиеся в ней жители открыли огонь по колчаковцам. Крестьяне села Покровского, Бугурусланского уезда устроили засаду и перебили много белогвардейцев. Узнав об этом, Колчак приказал все имущество жителей конфисковать, а село сжечь дотла.

Крестьяне, за исключением кулаков, радостно встречали советские войска. Бедняки деревни подчас отдавали последнее красноармейцам, чтобы накормить их. Иногда подарок был очень невелик, но он шел от души. Дмитрий Фурманов описал такой случай. Однажды он во время боя, находясь недалеко от деревни, увидел бегущую к нему немолодую уже женщину. Приблизившись, она вытащила впопыхах что-то из-под фартука и сунула ему в руку:

— На-ка, на, скорее...

Посмотрел—яйцо, и, не понимая, в чем дело, полный недоуменья, смотрю на нее широкими глазами:

— Сколько заплатить?

¹ Ижевская отдельная стрелковая бригада [насчитывала в то время около 4 тысяч штыков и сабель, 36 пулеметов, 8 орудий.

— И, што ты, родимый, — обиделась она. — Поди, заморился... Какие тут деньги, еш-ка, знай...

Она торопилась, видно было и по речи, и по движениям, — скажет и оглянется: заметят, дескать, деревенские, а белые придут — доложат, так беды не оберешься...

— Да што ты, так-то? — спрашиваю.

— А братец с вами у меня... родной... заодно воюет... Тоже в Красной Армии состоит... Говорили, белые-то заколотили вас, Самару будто взяли, верно ли?

— Нет, милая, неверно, — отвечаю. — Совсем неверно. Сама видишь, кто колотит.

— То-то вижу... Ну, будь живой, касатик...

И она поспешно юркнула с косогора, прячась и оглядываясь, пропала среди изб. А я сидел со странным, радостным, особенным чувством, смотрел на яйцо, чему-то улыбался и представлял себе образ этой милой простой женщины. Есть у нас везде — думалось мне — даже и в такой дыре, Скобелеве, свои люди. Хоть и не понимают может, многого, но инстинктом чувствуют, кто куда идет. Вот она, женщина-то, посмотри: ждала... дождалась... рада... и теперь не знает, чем доказать свою радость... яйцо сунула...

Хотя врагу были нанесены сильные удары, он еще не терял надежды восстановить части Красной Армии. Генерал Ханжин запросил у Колчака новые силы. Положение было серьезным, и из Сибири на помощь Западной армии Колчак в спешном порядке направил свой стратегический резерв — десятитысячный корпус Каппеля. Этот корпус к середине мая сосредоточился в районе города Белебея. Здесь белогвардейцы решили дать большое сражение. Сам город обороняли три колчаковских полка, их поддерживали два бронепоезда. Противник неоднократно переходил в контратаки, но выдержать напор советских войск не смог. 17 мая части Красной Армии ворвались в Белебей и освободили его. Корпус Каппеля был разбит. Белогвардейцы стали поспешно отступать к реке Белой.

После взятия Белебея 25-я дивизия получила небольшую передышку. Днем приводили в порядок оружие, чистили лошадей, ремонтировали сбрую, штопали обмундирование, а вечером сходились на митинг, созы-

ваемый комиссаром. И часто после политических докладов и горячих речей на голос гармоники выходили в круг бойцы и командиры, и от лихой пляски звенела земля. Но больше всего в чапаевской дивизии любили петь, и тут командир тоже подавал пример. О страсти Чапаева к пению знал каждый боец дивизии. Чаще всего пели самую любимую песню Чапаева:

Ты, моряк, красив собою,
Тебе от роду двадцать лет,
Полюби меня, моряк, душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

По морям, по волнам,
Нынче здесь, а завтра там...
Эх, по морям-морям-морям-морям,
Нынче здесь, а завтра там.

Эту песню так и звали— „чапаевская“.

Были у Чапаева и другие любимые песни: „Сижу за решеткой в темнице сырой“, „Ревела буря“. Чапаев был согласен петь когда угодно: днем и ночью, перед боем и после боя, дома и в дороге.

Однажды вечером он ехал с небольшой группой ординарцев. Стало темно. Василий Иванович громко запел, песню подхватили, и она понеслась по долине. Вблизи оказались казаки; они не могли понять этой удали и в первое время оторопели. Но вот враг был замечен. Песня оборвалась на полуслове. Еще мгновение—звон оружия, топот лошадей, и белогвардейцы уступили дорогу чапаевцам.

Песня, казалось, меняла Чапаева: лицо его становилось мягче, теплее. Он ведь был по природе простой, задушевный, отзывчивый человек. Сам прошедший тяжелую жизнь, он хорошо знал нужды трудовых людей и где только было можно, помогал беднякам.

Однажды в штаб к нему пришла женщина с малолетними ребятишками. Она рассказала, что муж у нее убит, в хозяйстве нет ни лошади, ни коровы. Если ей не помогут, дети умрут с голоду. Чапаев сказал, что пусть она немного подождет и корова у нее будет.

Скоро Чапаева вышла встречать с „хлебом и солью“ делегация крестьян. Чапаев принял подношение, поблагодарил, а затем спросил как живут мужики. Многие ответили, что живут неважно. Тогда Василий Иванович

обратился к одному с виду богомольному и сытому старичку:

— Ну, а у тебя как?

— Две коровы, да одна лошаденка имеется, не богато живем,—ответил тот.

Услышав это, крестьяне негодуяще загалдели. Оказалось: у старика четыре лошади и пять коров.

Когда шум умолк, Чапаев спросил:

— Ты, дедушка, в церковь ходишь?

— Хожу,—ответил тот.

— А нищим милостыню подаешь?

— Подаю.

— Вот так, правильно. Господь бог нам, грешным, приказал не забывать ближних.

Когда старик понял, куда ведет разговор Чапаев, он затрясся, побагровел, но было уже поздно.

В этот же день кулацкая лошадь и корова перешли во двор к крестьянке-беднячке.

Строгий и взыскательный командир, иногда несколько горячий, но всегда справедливый, Чапаев уважал в бойцах прямоту, честность и храбрость. Он любил сам награждать красноармейцев, прославившихся в бою, нередко отдавая свои личные вещи. Пулеметчице 225-го Балаковского полка М. А. Поповой он подарил свои часы со светящимся циферблатом. После этого бойцы часто спрашивали ночью в окопах:

— А ну-ка, сколько на чапаевских?

И по цепи передавали, что на чапаевских столько-то. Все знали, что чапаевские часы такие же верные, как и сам Василий Иванович.

Но знали красноармейцы и другое. Если кто провинился—не жди от Чапаева пощады. Василий Иванович был кристальной чистоты сам и не мирился ни с каким проступком. Один красноармеец отнял у женщины банку варенья. Об этом стало известно в штабе. Чапаев приказал судить и расстрелять бойца. Стоило не малых трудов, чтобы отговорить Чапаева изменить решение.

Был и такой случай. „Чапаенок“—тринадцатилетняя воспитанница дивизии Лида Ягунова, потеряла свою деревянную ложку. Недолго думая, она забежала в первый попавшийся дом и взяла со стола металлическую ложку. Когда после боя стали обедать, Василий

Иванович подозрительно посмотрел на ложку и стал допытываться откуда она взялась. Лида рассказала как было дело. Василий Иванович вспыхнул и скомандовал ей:

— На коня!

„Чапаенок“ быстро выскочила из избы, села на коня и стала ждать дальнейших приказаний.

Василий Иванович вышел на крыльцо и строгим, но уже спокойным голосом сказал:

— Я прощаю твой проступок по молодости лет. Сейчас же отвези ложку туда, где ты ее взяла. Больше никогда этого не делай.

Таков был Чапаев.

8. БОИ ЗА УФУ

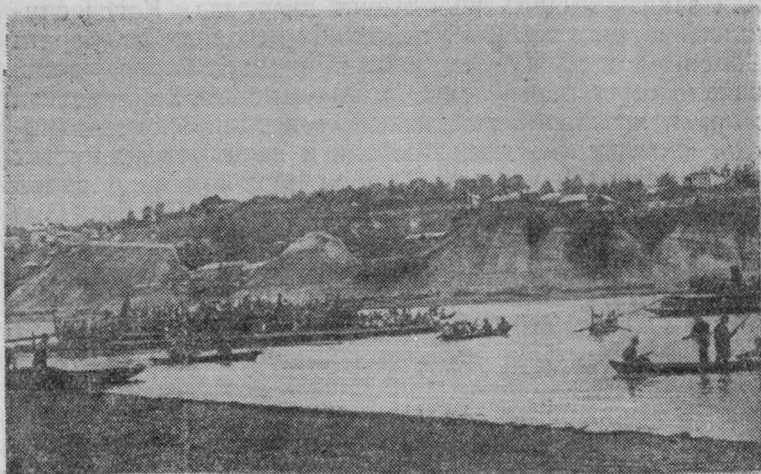
Несмотря на большие победы над колчаковцами, одержанные к лету 1919 года, положение Советской республики, в том числе и Восточного фронта, оставалось серьезным.

Белогвардейцы в середине мая начали наступление на Петроград. На Южном фронте быстро продвигалось стотысячное войско Деникина. Грозной была обстановка в районе Оренбурга и Уральска. Враг стоял под стенами обоих городов. Уральск был окружен. Уральские белоказаки в конце мая разбили большой отряд Красной Армии, направленный из Самары на помощь осажденному городу. Отряд потерял всю артиллерию, пулеметы и около 2 тысяч пленными.

В этих условиях необходимо было быстрее разгромить главные силы колчаковцев в центре фронта, а затем оказать помощь Оренбургу и Уральску. Владимир Ильич Ленин в конце мая писал в Реввоенсовет Восточного фронта:

„Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы“.

Однако главнокомандующий Красной Армии с согласия Троцкого дал приказ советским войскам остановиться на реке Белой и перебросить большие силы на южный фронт и под Петроград. Троцкий стал защищать это в Центральном Комитете партии. Видя пагубность этого плана, ЦК не согласился с Троцким и дал директиву продолжать наступление против Колчака,



Переправа Чапаевской дивизии через р. Белую.

Тем временем противник, укрывшись за рекой Белой, усиленно готовился к обороне. Он уничтожил все переправы и пловучие средства на реке. Железнодорожный мост перед Уфой был взорван. Колчаковцы получили приказ не пускать советские войска за Белую, а в случае переправы разбить их по частям и сбросить в реку.

Трудная задача стояла перед войсками М. В. Фрунзе, но ее надо было быстро решить.

Перед боем командующий Южной группой обратился с пламенным призывом к красноармейцам. Он писал, что решается исход борьбы капитала с трудом, свободы и справедливости с миром насилия и угнетения. В великой священной борьбе с врагами рабоче-крестьянская Россия требовала от каждого из своих сынов исполнения своего долга.

Основная тяжесть борьбы за Уфу выпали на 25-ю дивизию. В ночь с 7 на 8 июня она начала переправу через реку Белую у Красного Яра (20 километров к северу от Уфы). Здесь река Белая делает большую петлю, образуя полуостров. Его и использовали чапаевцы. Полуостров зарос густыми деревьями. За ним находились окопы колчаковцев с проволочными заграждениями. За несколько дней до этого у противника

были захвачены два небольших парохода. Когда спустилась ночная темнота, пароходы отчалили от берега и бесшумно двинулись к восточному берегу реки. Вначале были перевезены батальон пехоты, пулеметная команда, кавалерийский эскадрон и один броневладелец. Остальные ждали очереди и находились в кустах у переправы. Переброской войск руководили Михаил Васильевич Фрунзе и Василий Иванович Чапаев. Они находились вместе на передней линии.

На рассвете красная артиллерия через реку ударила по вражеским окопам. На том берегу раздалось раскатистое „ура“. Это переправившиеся красноармейцы пошли в атаку. Они выбили колчаковцев из укреплений и стали расширять захваченный плацдарм. Обратным рейсом пароходы доставляли пленных. Среди них было много татар. Они были в рваной одежде, обросшие, грязные. Фрунзе и Чапаев подошли к пленным:

— Ну, вояки, кого защищаете?—спросил Василий Иванович.

Пленные, пугливо озирающиеся до этого по сторонам и притихшие, теперь загалдели разом.

— А сколько войск здесь у Колчака, много?

— Много-много, да что толку. Ведь это войско все домой бы разбежалось, да офицеры не пускают.

Фрунзе и Чапаев задушевно беседуют с пленными. Разговор кончается тем, что они просят дать им винтовки, чтобы идти бить своих вчерашних офицеров.

Тем временем пароходы беспрестанно перевозили все новые войска. Скоро были полностью переправлены 217-й Пугачевский и 220-й Иваново-Вознесенский полки.

8 июня днем через Белую переправились еще несколько полков, а вместе с ними М. В. Фрунзе. Василий Иванович остался руководить переправой войск.

Впереди наступали 217-й и 220-й полки. Колчаковцы бросили против них большие силы и всю авиацию. Аэропланы обстреливали войска и бомбили переправы. Переброска пополнений на восточный берег Белой прекратилась. Положение переправившихся через Белую частей 25-й дивизии становилось очень тяжелым, головной советский полк начал отход. Тогда Михаил Васильевич Фрунзе бросился к красноармейцам. Его появление в цепях Иваново-Вознесенского полка, в котором почти каждый боец знал в лицо своего командующего, внесло

успокоение и новый прилив сил. Фрунзе схватил винтовку и с криком: „Иваново-вознесенцы, за мной, в атаку, на белых!“ — бросился вперед. Враг отступил.

Через некоторое время новая группа колчаковских аэропланов с еще большей силой стала обстреливать и бомбить переправу. Одна из бомб разорвалась под ногами лошади М. В. Фрунзе. Лошадь разорвало на куски, Фрунзе отбросило далеко в сторону. Из рта Михаила Васильевича пошла кровь, и он потерял сознание. Пулеметным огнем с вражеского самолета был ранен в голову Василий Иванович Чапаев, но он не покинул поле боя и продолжал руководить войсками дивизии.

Поздно вечером 8 июня командование 25-й дивизии получило сведения, что белогвардейцы с утра следующего дня вновь перейдут в атаку. Об этом сообщил один уфимский рабочий, который с риском для жизни перешел линию фронта, чтобы предупредить воинов Красной Армии. Несмотря на смертельную усталость после боя, никто из командиров не спал. Готовились достойно встретить врага.

9 июня рано утром на огромном поле ржи показались колонны колчаковцев. Шли офицерские батальоны во главе с капеллевским полком. Над головами развевались знамена. Офицеры и юнкера были одеты в черные мундиры. Шли тихо размеренным шагом как на параде. Враг надеялся захватить красноармейцев врасплох и уничтожить. Колчаковцы не подозревали, что за каждым их шагом внимательно следили из окопов тысячи недремлющих настороженных глаз. Чапаевцы подпустили врага к самым окопам и разом по команде открыли ураганный огонь. Словно градом выбило ржаное поле: офицерские батальоны, скошенные пулями полегли, примяв неубранные хлеба.

В этот день 25-я дивизия освободила Уфу. Дорого обошлись белогвардейцам попытки сбросить советские полки в Белую. Они потеряли 3 тысячи человек убитыми. Но нелегко досталась победа и красноармейцам. Они недосчитались в своих рядах двух тысяч бойцов.

Контрнаступление, начатое Южной группой М. В. Фрунзе в конце апреля 1919 года, положило начало разгрому войск Колчака. К середине июня врагу был нанесен ряд сильных ударов. Одна из самых сильных

группировок врага—Западная армия генерала Ханжина, а также стратегические резервы Колчака были в значительной степени разгромлены. Противник потерял более 25 тысяч человек. От белогвардейцев была освобождена большая территория. В этой победе огромная роль принадлежала 25-й дивизии, которой командовал Василий Иванович Чапаев.

Советская власть высоко оценила боевую деятельность В. И. Чапаева. За большое воинское мастерство, личную храбрость и отвагу, беззаветную преданность рабоче-крестьянской власти Революционный военный совет республики 14 июля 1919 года наградил Василия Ивановича Чапаева орденом „Красного знамени“. В приказе говорилось:

„Награждается орденом „Красного знамени“ начальник 25 стрелковой дивизии тов. Василий Иванович Чапаев за нижеследующие отличия:

Сорганизовав, по революционному почину отряд, в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 г. упорно оборонял Саратовско-Николаевский район сначала от нападения уральских казаков, а потом и чехословаков. 6 и 7 октября 1918 г., руководя отрядом (Николаевской дивизией) на поступках к Самаре, занятой чехословаками, одним из первых переправился через р. Самарку, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам, Александрово-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстого, что дало возможность нам овладеть Уральской областью. Назначенный начальником 25 стрелковой дивизии, в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугурусланом, настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяца овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район. В боях под Уфой, 8(9) июня с. г. (при форсировании р. Белой)



Прорыв блокады Уральска летом 1919 года. Рейд белоказачьей конницы на Лбищенск в начале сентября 1919 года.

лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием г. Уфы“.

За беспримерную отвагу в боях советская власть наградила также все десять стрелковых полков и кавалерийский дивизион 25-й дивизии почетными революционными Красными Знаменами. Это был единственный случай на Восточном фронте, когда все части дивизии были удостоены высшей награды.

Чапаев вдохновлял бойцов на новые подвиги, развивал и укреплял в них героические традиции. Красноармейцы гибли в жестоких боях, но не отступали. О беспримерном мужестве чапаевцев говорит, например, следующий факт: в полку им. Степана Разина пулеметчиками были два героя, потерявшие в боях ноги. Они поклялись служить Родине до последнего вздоха и сдержали свое слово.

ТЕЛЕГРАММА № _____ **ПО ВСЕМ АДРЕСАМ** **КОМВОСТОФОН**
И ПО КОМАНДАМ ГРУППЫ

Бланк № _____
Прог. № _____
Прим. _____
Принят _____

1919 г. № 6110

ИЗ ТУРКАРМИИ ЧЕРЕЗ ОТВЕСТВЕН ДЕЖУРНОГО

РАДИО ТЕЛЕГРАММА ПРИНЯТА 9 ИЮНЯ 22 ЧАСА 45 И № 89 ПОСЛ
ТРЕХДНЕВНОГО УПОРНОГО БОЯ НАШИМИ ДОБЛЕСТНЫМИ КРАСНЫМИ
ВОЙСКАМИ ЗАНЯТ ГОР УФА 9 ИЮНЯ В 20 ЧАСОВ ПОД КОМАНДОВАНИЕ
ДОБЛЕСТНОГО КОМАНДИРА ДИВИЗИИ Т ЧЕПЛАЕВА КОТОРЫИ НЕСКОТРА
А СВОЕ РАНЕНИЕ НЕ ПОКИНУЛ ФРОНТА ШЕЛ ВПЕРЕДИ ПРОТИВНИК ОТСТУПА
В ПАНИКЕ ~~Т~~ КОМЕНДАНОМ ГОР УФЫ ТОВ ПОТАПОВ СЛАД ДЕЖ
РАДИОТЕЛЕГРАФ ВРЧЕНКО ПРИНЯЛ ДЕЖУРН АДЪУТАНТ ПАНИН

Телеграмма о взятии Уфы.

9. СНОВА НА УРАЛЬСК

Из-под Уфы 25-я дивизия была направлена на юг в 4-ю армию для освобождения осажденного Уральска.

Положение советских войск в Уральской области летом 1919 года было очень тяжелым. Уральские белоказаки предпринимали отчаянные попытки соединиться в районе Саратова с наступающими войсками Деникина. 26 июня они заняли Пугачев. При защите города погиб почти полностью отряд коммунистов в 100 человек, созданный уездным комитетом РКП(б). Окруженные врагом большевики Дмитриев, Хамелев, Санталов, не желая сдать врагу, выстрелами из револьверов кончили с собой.

Владимир Ильич Ленин, узнав о падении Пугачева, 1 июля 1919 года направил М. В. Фрунзе телеграмму, в которой просил немедленно сообщить, какие меры принимаются для отражения белогвардейцев. М. В. Фрунзе в тот же день в ответе изложил Владимиру Ильичу план операции по разгрому белогвардейцев и освобождению Уральска.

Освободить город было приказано 25-й дивизии.

В помощь В. И. Чапаеву придавалась Особая бригада, которой командовал И. М. Плясунков.

В последних числах июня 25-я дивизия прибыла в район Бузулука и через несколько дней начала наступление на Уральск.

Снова встретились давнишние враги. Ровно год назад белоказаки нанесли здесь поражение советским войскам. Но как много утекло воды за год, как изменились они теперь. Вместо разрозненных полупартизанских отрядов выступала регулярная армия, спаянная твердой дисциплиной.

Закаленные в боях, умудренные боевым опытом, смело и уверенно шли на юг красноармейцы, командиры и комиссары чапаевской дивизии. А обстановка была очень тяжелой, хуже чем год назад.

Вначале белоказаки дали несколько сражений, но получили такой удар, после которого уже не собирались вступать в серьезный бой. В ход было пущено коварство и жестокость. На пути отступления враг зажег на огромном пространстве ковыльные степи. Морю огня окружало советскую дивизию. В чаду, по горящей земле, мучимые жаждой, черные от копоти и палящего солнца шли красные полки.

Казачьи сотни как стаи стервятников рыскали по степи. Стоило только взводу или роте отстать или отойти в сторону, как они с гиком налетали и беспощадно рубили красноармейцев. Но ничто не могло сломить воли советских воинов к победе. 11 июля 1919 года 25-я дивизия разорвала кольцо вражеской блокады и вступила в Уральск.

Два с половиной месяца гарнизон города отражал яростные атаки врага. Белоказакам помогали притаившиеся в Уральске „бывшие люди“. Они распространяли слухи, что Москву занял Колчак, а Питер—финны, что дни города сочтены и готовились встретить колокольным звоном атамана Толстова. Город жил чуткой и напряженной жизнью, но ход ее не нарушался даже в самые трудные дни. Почти ежедневно шли представления. Давали драмы „Ткачи“ и „Савва“. Многие красноармейцы прямо из окопов с винтовками шли в театр. В садах играла музыка. По улицам проходили трудящиеся города с красными знаменами и пением революционных песен. Город обороняли 192-й, 194-й и 196-й

стрелковые полки 22-й дивизии. Они были награждены почетными революционными красными знаменами.

Защитники города радостно встретили 25-ю дивизию. На улицах были развешаны плакаты с надписью: „Да здравствуют освободители-чапаевцы!“ Оркестры играли марши. Рабочие и красноармейцы 22-й дивизии обнимали бойцов-чапаевцев. У многих на глазах были слезы. Над городом долго не смолкало радостное „ура“.

После небольшой передышки в Уральске, 25-я дивизия выступила в поход на Лбищенск, где в это время находился штаб казачьей армии. Необходимо было переправить войска и главным образом артиллерию на левый берег Урала, на „бухарскую сторону“.

Василий Иванович вызвал к себе дивизионного инженера и приказал строить мост. В штабе начали примерять, рассчитывать, подсчитывать материалы и т. д.

Через некоторое время Чапаеву доложили, что строительство моста займет несколько недель. Василий Иванович и слушать об этом не хотел. Он приказал выстроить мост в три дня. Началось новое совещание в штабе, после чего дивизионный инженер доложил:

— Так что, товарищ командующий, мост через трое суток будет, только на четвертые сутки, в случае, если отступать, то придется штаны мочить, потому что к этому времени мост поплывет.

— Отступать не будем. Чапаев не отступает, — ответил Василий Иванович.

Эти слова воодушевили красноармейцев. Мост был построен меньше чем за трое суток. Началось наступление.

Противник оказывал ожесточенное сопротивление. Конные корпуса белоказачков лавинами обрушились на красные бригады. Бои были настолько жестокими, что от огня расплавлялись пулеметы, а воды не хватило. Кругом раскинулась безводная Усихинская степь. На десятки километров не было колодцев. А в тех, что изредка попадались на пути, вода не годилась для питья: казаки заваливали колодцы разлагающимися трупами животных. Бойцы гибли не только от казацкой шашки и пули, но и от нестерпимой шестидесятиградусной жары. В степи все было выжжено. Скоро стали падать лошади.

Однако попытки врага остановить чапаевцев не увенчались успехом. 9 августа 25-я дивизия вступила в Лбищенск. Здесь расположился штаб дивизии. Через



Дочь В. И. Чапаева—Клавдия Васильевна (слева), внук В. И. Чапаева—Артур Чапаев и Мария Андреевна Попова.

несколько дней была занята станица Сахарная, расположенная в 70 километрах к югу от Лбищенска.

В это время в дивизию пришли радостные вести с Урала. Красная Армия освободила Екатеринбург, Челябинск, Троицк. Остатки разгромленных колчаковских армий отступили в Сибирь. За ними по пятам шли советские дивизии, чтобы окончательно добить врага.

10. ГИБЕЛЬ ЧАПАЕВА

После потери Лбищенска командование белоказачьей Уральской армии стало принимать все меры, чтобы остановить продвижение 25-й дивизии на юг. Оно разработало план налета на Лбищенск.

2-го сентября 1919 года две кавалерийских дивизии под командованием генерала Сладкова выступили из поселка Каленого и в обход советским полкам направились по долине реки Кушум в тыл Чапаевской дивизии к Лбищенску. Казаки двигались только ночью, днем они скрывались в камышах.

У Чапаева в это время не осталось никаких резер-

зов. Полки дивизии были расположены в районе станции Сахарной и на левом берегу Урала (на „бухарской стороне“) к северо-западу от Джамбейтинской ставки. В самом Лбищенске находились только дивизионная школа младшего комсостава в 600 человек, саперная рота и хозяйственная команда. В штабе дивизии не знали о движении белоказаков.

Поздно вечером 4 сентября Василий Иванович Чапаев и новый комиссар дивизии Павел Степанович Батурин¹ прибыли в Лбищенск из поездки в полки. Начальник штаба Новиков доложил Василию Ивановичу, что в 20 километрах западнее города были замечены разъезды казаков. Но поскольку разведывательные полеты находившихся при дивизии самолетов не подтвердили наличие каких-либо значительных сил противника, а появление казачьих разъездов было обычным явлением, Василий Иванович не придавал этому значения, и все осталось по-старому.

Между тем белоказаки, переждав день 4 сентября в укрытиях в 25 километрах от Лбищенска, с наступлением темноты форсированным маршем двинулись на восток. В глухую полночь они подошли к Лбищенску и с трех сторон ворвались в него. Стрельба быстро охватила весь город. Первое время защитники его не могли понять, откуда наступает враг, не было связи между отдельными группами. Но скоро основные силы собрались на соборной площади у штаба, где находился В. И. Чапаев. Здесь произошла самая жаркая схватка.

Чапаевцы стояли насмерть: в плен не сдавались, дрались ожесточенно. Боем руководил Василий Иванович. Он не успел надеть гимнастерку и был в нижней белой рубашке. Около него находились комиссар Батурин, начальник штаба Новиков и группа ординарцев. Скоро Чапаева ранило в руку, но он продолжал командовать.

В самый разгар боя Батурин и Новиков отбили пулемет у казаков и открыли из него стрельбу. Было выпущено по белогвардейцам две ленты, но вдруг за-

¹ Д. А. Фурманов в середине августа 1919 года был переведен в штаб вновь образованного Туркестанского фронта. Командующим фронтом был М. В. Фрунзе. В состав фронта вошли 4-я, 1-я и 11-я армии (последняя была до октября 1919 года).

стрял патрон. Казаки воспользовавшись задержкой, бросились на пулеметчиков. Комиссар Батуриин был зарублен, а тяжело раненный Новиков успел уползти и укрыться. В штыковой атаке погибли начальник политотдела дивизии коммунист Суворов, начальник дивизионной школы Чеков вместе с сыном.

С каждой минутой уменьшалось число чапаевцев. Казаки зарубили комиссара Крайнюкова. Начальник снабжения бригады офицер старой армии Козлов, чтобы не попасть в плен, застрелился.

Исход боя решила артиллерия. Как только рассвело, белоказаки выкатили пушки и открыли стрельбу прямой наводкой. Оставшиеся в живых чапаевцы, стали пробиваться к реке Урал, туда же с группой ординарцев отступил раненый Чапаев.

Казаки перенесли огонь на реку. Скоро около Василия Ивановича остался в живых только один его ординарец Петр Исаев. Он помог Чапаеву спуститься в воду, а сам вновь бросился на берег, отвлекая огонь белых от своего командира. Напрягая последние силы, Василий Иванович проплыл больше половины реки. Еще немного, и он был бы спасен, но в это время вражеская пуля вторично ранила его в голову, и Чапаев навсегда скрылся в мутных водах бурливого Урала. Скоро на берегу погиб и Петр Семенович Исаев. Только отдельным красноармейцам удалось переплыть реку и спастись от смерти.

Так погиб герой гражданской войны Василий Иванович Чапаев. В листовке, посвященной гибели В. И. Чапаева, Дмитрий Фурманов писал:

„Нет больше замечательного командира, нет больше легендарного героя, который водил полки и никогда не знал отступления. Красная Армия никогда не забудет твоих подвигов, дорогой Чапай. Ты блестящей звездой войдешь в историю гражданской войны“.

Белоказаки учинили дикую расправу над ранеными и попавшими в плен красноармейцами из хозяйственной команды. Все они были расстреляны из пулеметов.

5 сентября рано утром о нападении на Лбищенск стало известно чапаевским полкам. Они собрались по тревоге и на подводах немедленно двинулись к городу. Пройдя семидесятикилометровый путь, красноармейцы вечером того же дня атаковали Лбищенск. Но казаки

отбили атаку. 6 сентября вновь возобновилось наступление, и город был освобожден. Только теперь чапаевцы узнали о гибели своего командира. Они поклялись жестоко отомстить за него.

Обстановка складывалась неблагоприятно для 25-й дивизии, и она, оставив Лбищенск, отошла на север по направлению к Уральску и прочно укрепилась на новой линии, готовясь нанести сокрушительный удар по врагу.

Василий Иванович Чапаев погиб, но созданная им дивизия продолжала громить врагов рабочих и крестьян, вписывая новые страницы доблести в героическую книгу борьбы народов Советской республики за свою свободу.

В ноябре 1919 года 25-я дивизия, которой было присвоено имя Чапаева, перешла в решительное и последнее наступление против Уральской белоказачьей армии. В мороз, в пургу, косимые тифом, двигались красноармейцы к Каспийскому морю. В январе 1920 года Чапаевская дивизия взяла главную базу врага город Гурьев. Белоказачья армия прекратила свое существование.

Весной 1920 года на Советскую республику напала буржуазно-помещичья Польша. Героическая 25-я Чапаевская дивизия была брошена под Киев. На полях Украины она покрыла себя новой славой и вместе с другими соединениями Красной Армии отбила нападение врага.

* * *

Отгремела гражданская война. Страна залечила раны и семимильными шагами двинулась вперед. Шли годы. Крепла республика Советов, а вместе с ней и ее вооруженные силы. И когда в 1941 году фашисты напали на нашу страну, 25-я Чапаевская дивизия, созданная народным героем Василием Ивановичем Чапаевым, снова встала на защиту социалистической Родины от нападения врагов. Имя Чапаева воодушевляло советских бойцов на ратные подвиги. Одним из любимых лозунгов в дни Великой Отечественной войны был лозунг:

— Боец! Родной земли врагу не отдавай!

Гони и бей его—как бил Чапай!

Лучшие питомцы Чапаевской дивизии покрыли себя



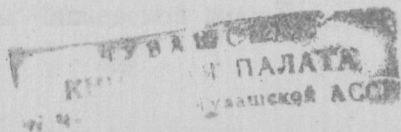
Проект памятника В. И. Чапаеву в г. Чебоксарах.
(Скульптор И. Ф. Кудрявцев.)

неувядаемой славой в войне с фашистами. Среди них Герой Советского Союза генерал-майор И. В. Панфилов (бывший командир батальона); Герой Советского Союза генерал-полковник артиллерии Н. М. Хлебников (бывший командир артиллерийского дивизиона); Герой Советского Союза капитан В. И. Мельников (бывший рядовой); генерал-майор В. А. Киндюхин (бывший командир полка); генерал-майор В. М. Мухин (бывший командир полка); полковник М. И. Сысойкин (бывший комиссар бригады); подполковник А. С. Чернов (бывший начальник штаба бригады); полковник А. И. Ушмакин (бывший пулеметчик) и многие другие.

Кончилась и Отечественная война. Советский народ снова принялся за мирный труд. Но он не забыл своих первых героев—тех, что отдал жизнь, защищая в первые тяжелые годы революции власть рабочих и крестьян. Не забыл он и своего любимого легендарного Чапаева. Его именем названы города, села, фабрики, колхозы. О Чапаеве народ сложил песни, сказы, о нем написаны книги. Благодарные потомки свято чтут память героя. В одной из поэм о Василии Ивановиче Чапаеве говорится:

„Как в былом, бушует древний Яик¹,
Ни о чем на свете не грустя,
Но печаль во взорах молодаяк,
И кулик рыдает, как дитя.
И поет о подвигах Чапая
Молодой казак в тени раки
И, коня у берега купая,
На волну задумчиво глядит“.

¹ Старинное название реки Урала.



СОДЕРЖАНИЕ

1. Школа жизни	8
2. Чапаев—организатор Красной Гвардии	13
3. Уральская белоказачья контрреволюция	19
4. Борьба с белочехами и „народной армией“	24
5. В академии	33
6. Александрово-Гайская бригада	36
7. На Колчака	37
8. Бои за Уфу	48
9. Снова на Уральск	54
10. Гибель Чапаева	57

Оформление *М. Ильина.*

Леонид Михайлович Спири
НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ В. И. ЧАПАЕВ

Редактор *Г. А. Молостовкин.*

Тех. редактор *А. И. Краснов.*

Худ. редактор *Л. Маевская.*

Корректора: *В. Г. Бурнаевский и Р. И. Белова.*

Сдано в набор 19.I.-1957 г. Подписано к печати 5.II.-1957 г.

Формат 84108₃₂. Объем 3,28 п. л. Учетно-изд. листов 3,08

НТ 00747. Тираж 5 000 экз. Заказ № 276. Цена 55 коп.

Типография № 1 Министерства культуры Чувашской АССР.

010

Цена 55 коп.